

ОН ВСЕ, ЧТО ОНА НЕНАВИДИТ,
И ВСЕ, ЧЕГО ОНА ЖЕЛАЕТ

18+

П Р И К О С -
Н О В Е Н И Е
Т Ь М Ы

АИД И ПЕРСЕФОНА

СКАРЛЕТТ СЕНТ-КЛЭР

Young Adult. Аид и Персефона

Скарлетт Сент-Клэр

Прикосновение тьмы

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

Сент-Клэр С.

Прикосновение тьмы / С. Сент-Клэр — «Эксмо», 2019 — (Young Adult. Аид и Персефона)

ISBN 978-5-04-165347-7

«Прикосновение тьмы» – первая книга романтического фэнтези цикла, который по-новому раскрывает историю «Аида и Персефоны». Волшебный современный мир, где среди людей живут древнегреческие боги. Юная Персефона – богиня весны и плодородия. Но она не может проявить свои способности: цветы и растения увядают от ее прикосновений. Девушка мечтает пройти стажировку в ведущем новостном агентстве Новых Афин и стать журналистом. Однажды на вечеринке в самом модном клубе города она встречает таинственного Аида, бога мертвых. Персефона проигрывает ему пари, и они заключают сделку. За шесть месяцев она должна создать цветущий сад в подземном царстве, иначе останется там навсегда. Сможет ли Персефона обрести свободу до того, как Аид завладеет ее душой... и ее сердцем? Книга понравится фанатам Сары Дж Маас, Дженнифер Арментроут и Рэйвен Кеннеди.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-165347-7

© Сент-Клэр С., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

Глава I. Нарцисс	6
Глава II. «Неночь»	12
Глава III. Новости Новых Афин	23
Глава IV. Контракт	30
Глава V. Вторжение	37
Глава VI. Стикс	51
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Скарлетт Сент-Клэр

Прикосновение тьмы

Scarlett St. Clair
A Touch of Darkness

© 2019 by Scarlett St. Clair

Дизайн обложки © by Regina Wamba of MaelDesign.com

© LightField Studios / Shutterstock.com

© Иванова В., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Посвящается Эмили Элизабет Стил и Молли Кэтлин Маккул.

Спасибо за вашу любовь.

ЛУЧШИЕ ДРУЗЬЯ НАВСЕГДА

Глава I. Нарцисс

Персефона сидела на солнце.

Она выбрала любимое место в «Кофе Хаус» – столик на улице с видом на оживленную пешеходную улицу. Вдоль тротуара тянулись ряды раскидистых деревьев и клумб с пышно цветущими фиолетовыми астрами, белыми и розовыми приморскими лобуляриями. Легкий бриз разносил аромат весны, и медовый воздух был теплым и приятным.

День выдался отличным, и, хотя Персефона пришла сюда заниматься, ей было трудно сосредоточиться на учебе, потому что взгляд ее то и дело падал на нарциссы, что стояли в узкой вазе у нее на столике. Букет был жиденьким – всего два или три тонких стебля, – а хрупкие коричневые лепестки скручивались, как пальцы мертвеца.

Нарцисс был цветком и символом Аида, бога мертвых. Им обычно украшали не столы, а гробы. Присутствие этих цветов в «Кофе Хаус» означало, что владелец в трауре, потому что лишь в это время смертные преклонялись перед богом подземного царства.

Персефоне всегда было интересно, как к этому относился Аид и не было ли ему все равно. Все-таки он был не просто властителем ада. Будучи самым состоятельным среди богов, он заслужил титул богача и вложил свои деньги в несколько самых популярных клубов в Новой Греции – и это были не просто какие-то клубы, а элитные игорные дома. Говорили, что Аид любит хорошие пари и редко принимает в качестве ставки что-либо, кроме человеческой души.

Персефона много слышала об этих клубах от других студентов в университете, а ее мать, которая нередко выражала свою неприязнь по отношению к Аиду, подобным образом высказывалась и о его бизнесе.

«Он взял на себя роль кукловода, – недовольно говорила она. – Вершит судьбы, словно он один из мойр. Ему должно быть стыдно».

Персефона никогда не бывала ни в одном из клубов Аида, но, надо признать, они пробуждали в ней любопытство – как в отношении людей, что туда ходили, так и в отношении бога, что ими владел. Что заставляло людей закладывать свои души? Жажда денег, любви или благосостояния?

И что это могло сказать об Аиде? Что ему принадлежат все богатства мира и он стремится их преумножить, вместо того чтобы помогать людям?

Но сейчас у Персефоны не было времени на поиск ответов.

Ей нужно было работать.

Оторвав взгляд от нарциссов, она сосредоточилась на экране ноутбука. Был четверг, и она ушла с занятий час назад. Заказала, как обычно, ванильный латте. Ей нужно было закончить исследовательскую работу, чтобы она могла сконцентрироваться на преддипломной стажировке в «Новостях Новых Афин», ведущем новостном агентстве Новых Афин. Стажировка должна была начаться завтра, и, если все сложится удачно, через шесть месяцев, когда Персефона получит диплом, у нее уже будет работа.

Ей не терпелось проявить себя.

Проходить стажировку ей предстояло на шестидесятом этаже Акрополя, одной из главных достопримечательностей Новых Афин – самого высокого городского здания, имевшего сто один этаж. Переехав сюда, Персефона в первую очередь посетила обсерваторию на верхнем этаже, откуда город был виден как на ладони. И он оказался именно таким, каким она его представляла, – прекрасным, огромным и волнующим. Четыре года спустя она с трудом могла поверить в то, что теперь будет приходить в это здание на работу почти каждый день.

Лежащий на столе телефон Персефоны завибрировал, привлекая ее внимание. Ей пришло сообщение от лучшей подруги, Лексы Сидерис. Лекса стала ее первой подругой в Новых Афинах. Она повернулась к Персефоне на занятии и спросила, не хочет ли та объединиться с

ней для выполнения лабораторной работы. С тех пор они стали неразлучны. Персефону привлекала несдержанность Лексы – у той были татуировки и черные, как ночь, волосы. А еще она просто обожала богиню колдовства, Гекату.

«Где ты?»

Персефона ответила: «Кофе Хаус».

«Почему? Нам надо отметить!»

Девушка улыбнулась. Две недели назад она рассказала Лексе о том, куда ее взяли на стажировку, и теперь та неустанно донимала ее предложениями сходить куда-нибудь отметить. Персефоне пока удавалось отложить этот поход, но все возможные отговорки были на исходе, и Лекса это знала.

«Я уже отмечаю, – набрала Персефона. – Ванильным латте».

«Кофе не катит. Алкоголь. Шоты. Ты + я. Сегодня вечером».

Прежде чем Персефона успела ответить, к ней подошла официантка с подносом, на котором дымился кофе. Персефона приходила сюда достаточно часто, чтобы заметить – девушка такая же новенькая, как и нарциссы. Волосы ее были заплетены в косы, а темные глаза обрамляли густые ресницы.

Девушка улыбнулась и спросила:

– Ванильный латте?

– Да, – кивнула Персефона.

Официантка поставила на стол чашку и убрала поднос под мышку.

– Что-нибудь еще?

Персефона встретилась с ней взглядом.

– Как думаете, у лорда Аида есть чувство юмора?

Вопрос был несерьезным, и Персефоне он казался крайне забавным, но девушка растерялась:

– Я не понимаю, о чем вы.

Официантка явно чувствовала себя некомфортно – вероятно, из-за упоминания имени Аида. Многие предпочитали не произносить его либо называть Аидонеем, чтобы не привлекать излишнего внимания, но Персефона не боялась. Возможно, это было как-то связано с тем, что она и сама была богиней.

– Я думаю, что у него определенно есть чувство юмора, – объяснила Персефона. – Ведь нарциссы – символ весны и перерождения. – Она поднесла пальцы к увядшим лепесткам. Эти цветы скорее должны были стать ее символом. – А иначе зачем он объявил их своими?

Персефона пронзила девушку взглядом, и у той заалели щеки. Она, заикаясь, произнесла:

– Д-дайте мне знать, если вам что-то понадобится.

Официантка склонила голову и вернулась к работе.

Персефона сфотографировала кофе и отправила его Лексе, прежде чем сделать глоток.

Она надела наушники и сверилась с ежедневником. Персефоне нравилось чувствовать себя организованной, но еще больше ей нравилось чувствовать себя занятой. Ее недели были плотно загружены – занятия по понедельникам, средам и четвергам, стажировка до трех часов каждый день. Чем больше она делала, тем больше у нее было оправданий не возвращаться домой в Олимпию, чтобы повидаться с матерью.

На следующей неделе у нее будет тест по истории, а ей еще предстояло подготовить доклад по тому же предмету. Но она не волновалась. История была одним из ее любимых предметов. Они обсуждали Великое сошествие, как назвали день, когда боги спустились на Землю, и Великую войну – ужасные кровопролитные битвы, что за ним последовали.

Вскоре Персефона погрузилась в свое исследование и подготовку доклада. Она с интересом вчитывалась в труд ученого, заявлявшего, что решение Аида воскресить Зевса и героев Афины стало решающим фактором в финальной битве, когда ее ноутбук вдруг со стуком

захлопнули чьи-то руки с идеальным маникюром. От неожиданности богиня дернулась, подняла голову и посмотрела в удивительно голубые глаза на овальном лице, обрамленном густыми черными волосами.

– Угадай, что?

Персефона вытащила наушники.

– Лекса, что ты тут делаешь?

– Я шла домой с занятий и подумала, почему бы мне не заскочить сюда, чтобы сообщить тебе отличную новость!

Она покачнулась вперед на носочках, и ее иссиня-черные волосы качнулись вместе с ней.

– Какую новость? – спросила Персефона.

– Я смогу провести нас в «Неночь»! – Лекса не особо старалась сдерживать эмоции, и при упоминании знаменитого клуба несколько человек повернули головы, чтобы взглянуть на девушек.

– Тс-с! – шикнула на нее Персефона. – Ты что, хочешь, чтобы нас убили?

– Не смей меня. – Лекса закатила глаза, но голос все же понизила. В «Неночь» было невозможно попасть. Там был трехмесячный лист ожидания, и Персефона знала почему.

Клуб «Неночь» принадлежал Аиду.

Все то, что предлагали боги, пользовалось сумасшедшей популярностью. Линейка вин Диониса распродавалась за секунды и, по слухам, имела в составе амброзию. Выпив слишком много этого нектара, смертные чрезвычайно часто в итоге оказывались в подземном царстве.

Модные коллекции Афродиты были настолько желанными, что только недавно за одно из ее платьев убили девушку. Было судебное разбирательство, и все такое.

Клуб «Неночь» не был исключением.

– Как тебе удалось попасть в списки? – спросила Персефона.

– Парень с моей стажировки не может пойти. Он провисел в листе ожидания два года. Ты можешь поверить, как нам повезло? Ты. Я. «Неночь». Сегодня!

– Я не могу.

Плечи Лексы опустились.

– Да ладно тебе, Персефона. Мы можем попасть в «Неночь»! Я не хочу идти одна!

– Позови Айрис.

– Я хочу, чтобы со мной пошла *ты*. Нам же нужно отпраздновать. К тому же это часть твоей университетской жизни!

Персефона была уверена, что Деметра бы с ней не согласилась. Перед тем как отправиться учиться в университет в Новых Афинах, она дала матери несколько обещаний, и среди них – держаться подальше от богов.

Правда, мало какие из этих обещаний ей удалось сдержать. Она сменила свою специальность в середине семестра с ботаники на журналистику. Она никогда не забудет натянутую улыбку матери и ее «Как чудесно», выдавленное сквозь сжатые зубы, когда та узнала правду. Персефона выиграла битву, но Деметра объявила войну. С того дня, куда бы она ни пошла, за ней по пятам всегда следовала одна из нимф Деметры.

И все же специализироваться на ботанике было не так важно, как держаться подальше от богов, потому что боги не знали о существовании Персефоны.

Ну, они знали, что у Деметры есть дочь, но ее не представляли ко двору в Олимпии. Они определенно не знали, что она маскировалась под смертную. Персефона не представляла, как, обнаружив ее, могут отреагировать боги, но знала, как отреагирует весь мир, и это не сулило ей ничего хорошего. У них будет новый бог для изучения и наблюдения. Она не сможет существовать – и потеряет свободу, которую только что обрела, а этого ей совершенно не хотелось.

Персефона редко соглашалась с матерью, но даже она понимала, что лучше будет вести жизнь обычной смертной. Она не была такой, как остальные боги и богини.

– Мне правда нужно много выучить, да еще и доклад подготовить, Лекса. К тому же завтра у меня начинается стажировка.

Она была намерена произвести хорошее впечатление, а появление в офисе с похмелья или не выпавшейся в первый же день вряд ли могло этому поспособствовать.

– Ты же уже все выучила!

Лекса указала на ноутбук и кипу записей на столе. Но, по правде говоря, все это время Персефона изучала цветы и думала о боге мертвых.

– И мы обе знаем, что ты уже написала этот доклад, просто ты перфекционистка.

У Персефоны вспыхнули щеки. Что такого, даже если это правда? Учеба была главным и единственным, что у нее действительно хорошо получалось.

– *Ну пожалуйста*, Персефона! Мы уйдем пораньше, чтобы ты успела отдохнуть.

– И что мне делать в «Неночи», Лекс?

– Танцевать! Пить! Целоваться! Может, даже немного сыграть. Не знаю, но разве не в этом все веселье?

Персефона снова покраснела и отвела взгляд. Нарцисс словно смотрел на нее сердито, отражая все ее неудачи. Она никогда не целовалась с парнем. Рядом с ней никогда не было мужчин, пока она не приехала в колледж, но и после переезда она держалась от них на расстоянии, по большей части из-за страха, что ее мать тут же явится из ниоткуда и обрушится на них.

Это не было преувеличением. Деметра предупреждала ее насчет мужчин.

– Для богов ты – две вещи, – сказала она Персефоне, когда та была совсем еще юной, – средство для получения преимущества в игре либо просто игрушка.

– Мне кажется, ты ошибаешься, мама. Боги способны любить. Есть даже те, кто поженится.

Деметра рассмеялась:

– Боги женятся ради власти, мой цветок.

И когда Персефона подросла, ей пришлось убедиться, что мать говорила правду. Никто из вступивших в брак богов не любил друг друга, вместо этого они проводили большую часть своего времени за изменами и последующими попытками отомстить партнеру за предательство.

Это значило, что Персефоне суждено умереть девственницей, потому что Деметра также дала ей понять, что смертные для нее тоже не вариант.

– Они... *стареют*, – говорила мать с отвращением.

Персефона решила не спорить с матерью о том, что старость не имеет значения для настоящей любви, так как осознала, что ее мать не верит в любовь.

Ну, по крайней мере, в романтическую.

– Мне... нечего надеть, – предприняла еще одну слабую попытку Персефона.

– Можешь надеть что угодно из моей одежды. Я даже сделаю тебе прическу и макияж. Пожалуйста, Персефона.

Персефона поджала губы, размышляя.

Ей придется ускользнуть от нимф, которых мать поселила в их квартире, и усилить свои чары, из-за чего могут возникнуть проблемы. Деметра захочет узнать, зачем это Персефоне вдруг резко понадобилось больше магии. Но, опять же, она может свалить все на дополнительное прикрытие на стажировке.

Без чар личность Персефоны могла быть раскрыта, так как у всех божественных существ была одна общая характеристика – их рога. У Персефоны они были белыми и закручивались в спираль, устремляясь прямо в небо, как у антилопы куду. И хотя обычных чар было более чем достаточно для жизни среди смертных, она не была уверена, что они сработают при встрече с таким могущественным богом, как Аид.

– Честно говоря, мне не хочется встречаться с Аидом, – наконец сказала она.

Эти слова имели привкус горечи, потому что на самом деле это была ложь. Правда заключалась в том, что ей были очень любопытны и он сам, и его мир. Ей казалось весьма интригующим то, что он был таким неуловимым, а пари, которые он заключал со смертными, – совершенно чудовищными. Бог мертвых представлял собой все, чем не являлась она, – нечто темное и притягательное.

Притягательное, потому что он был загадкой, а загадки – это приключения. То, чего так страстно желала Персефона. Может, это в ней говорил журналист, но она с удовольствием задала бы Аиду несколько вопросов.

– Аида там не будет, – ответила Лекса. – Боги никогда не управляют собственным бизнесом!

Это была правда, особенно в отношении Аида. Все знали, что он предпочитает мрак подземного царства.

Лекса окинула Персефону долгим взглядом, а потом наклонилась над столом.

– Дело в твоей маме, да? – тихо спросила она.

Персефона удивленно уставилась на подругу. Она никогда не говорила о своей маме. Потому что решила, что чем меньше она о ней расскажет, тем меньше вопросов ей будут задавать и тем меньше ей придется лгать.

– Откуда ты знаешь? – только и смогла произнести Персефона.

Лекса пожала плечами:

– Ну, ты никогда о ней не рассказываешь, а пару недель назад она пришла к нам в квартиру в то время, когда ты была на занятиях.

– Что? – У Персефоны отвисла челюсть. Она впервые слышала об этом визите. – И что она сказала? Почему ты мне об этом не сообщила?

Лекса подняла руки вверх.

– Ну, во-первых, твоя мама выглядит немного пугающе. В смысле, она великолепна, как и ты, но, – Лекса поежилась, – холодная. Во-вторых, она сказала мне не говорить тебе.

– И ты ее послушалась?

– Эм, ну да. Я вообще думала, что она сама тебе расскажет. Она сказала, что надеялась сделать тебе сюрприз, но так как тебя не было дома, она просто перезвонит.

Персефона закатила глаза. Деметра никогда ей не звонила. И она наверняка приехала туда в поисках чего-то конкретного.

– Она заходила в нашу квартиру?

– Она попросила показать ей твою комнату.

– Проклятье. – Персефоне теперь нужно было проверить зеркала. Возможно, ее мать оставила чары, чтобы с помощью них наблюдать за богиней.

– Как бы там ни было, у меня сложилось впечатление, что она... слишком о тебе заботится.

Это было ну просто преуменьшение года. Деметра заботилась о Персефоне настолько, что девушка практически не контактировала с внешним миром вплоть до своего восемнадцатилетия.

– Ага, она та еще стерва.

Лекса в изумлении приподняла брови:

– Твои слова, не мои. – Она сделала паузу, а потом осторожно спросила: – Хочешь об этом поговорить?

– Нет, – помотала головой Персефона. Разговоры ей не помогут, а вот поход в «Неночь» – возможно. Она улыбнулась. – Но сегодня я составлю тебе компанию.

Возможно, завтра она пожалеет о своем решении, особенно если ее мать обо всем узнает. Но прямо сейчас она чувствовала себя бунтаркой, а лучшего способа устроить бунт, кроме как пойти в клуб бога, которого ее мать терпеть не может, было и не придумать.

– Правда? – Лекса хлопнула в ладоши. – О боги, мы отлично проведем время, Персефона! – Лекса вскочила на ноги. – Тогда нам нужно начать собираться!

– Но сейчас только три часа дня!

– Ну да. – Лекса взлохматила свои длинные темные волосы. – У меня ужасно грязные волосы. К тому же нужна целая вечность, чтобы их уложить, а еще мне надо сделать прическу и макияж тебе. Нам надо начинать прямо сейчас!

Персефона не двинулась с места.

– Я догоню тебя через секунду, – сказала она. – Обещаю.

Лекса улыбнулась:

– Спасибо, Персефона. Будет классно. Вот увидишь.

Персефона улыбнулась, глядя Лексе вслед. В следующее мгновение к столику подошла официантка, чтобы забрать чашку. Быстрым движением руки богиня схватила девушку за запястье.

– Если ты донесешь моей матери что-то, кроме того, что я тебе скажу, я тебя убью.

Это была та же самая девушка с милыми косичками и темными глазами, но под чарами юной девушки-студентки просвечивали черты нимфы – маленький носик, выразительные глаза и тонкие линии лица. Персефона заметила это уже тогда, когда девушка принесла ей напиток, но не стала разоблачать. Ведь нимфа всего лишь делала то, что ей приказала Деметра, – шпионила. Однако после разговора с Лексой Персефона не хотела рисковать.

Девушка откашлялась, не глядя Персефоне в лицо.

– Если ваша мать узнает, что я солгала, она убьет меня.

– Кого ты боишься больше? – Персефона уже давно поняла, что слова были ее самым мощным оружием.

Она еще крепче сжала запястье девушки, прежде чем отпустить. Нимфа быстро прибралась на столе и убежала. Персефоне было стыдно за эту угрозу, но ее выводило из себя, что за ней кто-то постоянно ходил и наблюдал. Нимфы словно были когтями Деметры, и они впились Персефоне в кожу.

Взгляд девушки упал на умирающие нарциссы, и она коснулась увядающих лепестков кончиками пальцев. От прикосновения Деметры они бы наполнились жизнью, но от ее касания скрутились и опали.

Персефона сколько угодно могла быть дочерью Деметры и богиней весны, ей все равно ни черта не удавалось вырастить.

Глава II. «Неночь»

Клуб «Неночь» располагался в изящной обсидиановой пирамиде без окон. Она была выше сияющих зданий вокруг и издали казалась разрывом в полотне города. Эту башню можно было увидеть из любой точки Новых Афин. Деметра говорила, что Аид построил такую высокую башню с одной целью – напомнить смертным о том, что их жизнь не вечна.

Чем дальше Персефона стояла в тени клуба, тем больше нервничала. Лекса отошла поговорить с парой девушек, которых знала со школы, оставив Персефону стоять в очереди. Богиня чувствовала себя не в своей тарелке, находясь в окружении незнакомых людей и готовясь ступить на территорию другого бога, будучи одетой в откровенное платье. Она поймала себя на том, что без конца поднимает и опускает руки, словно никак не может решить, хочет ли она скрыть низкий вырез платья или, наоборот, выставить его на всеобщее обозрение. Она одолжила блестящий розовый наряд у Лексы, а ее формы были далеко не такими выдающимися. Волосы Персефоны ниспадали мягкими волнами на спину, и Лекса сделала ей минимальный макияж, чтобы подчеркнуть естественную красоту.

Если бы ее сейчас увидела мать, то непременно отправила бы обратно в оранжерею, или, как называла ее Персефона, стеклянную тюрьму.

От этой мысли внутри все сжалось. Она огляделась, гадая, нет ли поблизости шпионов Деметры. Достаточно ли было ее угрозы, чтобы официантка из «Кофе Хаус» умолчала об их с Лексой планах? С того момента, как Персефона согласилась пойти с подругой, ее воображение бурно разыгралось, перебирая все возможные наказания, что уготовит ей Деметра, если ее поймут. Несмотря на всю проявляемую заботу, Деметра крайне сурово наказывала дочь за проступки. На самом деле в оранжерее Деметры был целый участок, отданный под наказания, – каждый цветок, что рос там, прежде был нимфой, правителем или иным созданием, однажды навлекшим на себя ее гнев.

Именно этот гнев сделал Персефону параноиком, вынудив проверить каждое зеркало в доме, когда она вернулась к себе в квартиру.

– О боги! – Лекса казалась прекрасным видением в красном, и к ней были прикованы все взгляды, пока она шла обратно к Персефоне. – Разве это не великолепно?

Персефона едва не рассмеялась. Ее не впечатляло величие богов. Они выставляли напоказ свое богатство, бессмертие и власть, но помощь людям заботила их меньше всего. Вместо этого боги натравливали смертных друг на друга, разрушали и перестраивали мир забавы ради.

Персефона снова взглянула на башню и нахмурилась:

– Черный определенно не мой цвет.

– Думаю, ты изменишь свое мнение, когда увидишь Аида, – усмехнулась Лекса.

Персефона сердито посмотрела на подругу:

– Ты же сказала, его здесь не будет!

Лекса положила руки на плечи Персефоны и заглянула ей в глаза.

– Персефона, не пойми меня неправильно, ты симпатичная, и все такое, но... каковы реальные шансы, что Аид обратит на тебя внимание? Тут уйма народу.

Лекса была права – и все же что, если ее чары не сработают? Ее рога привлекут внимание Аида. Он наверняка не упустит возможность вступить в противостояние с другим богом в своих владениях – особенно с тем, кого он никогда раньше не встречал.

У Персефоны внутри будто затянулся узел. Она принялась накручивать на палец прядь волос и поправлять платье. Девушка не замечала, что Лекса наблюдает за ней, пока та не сказала:

– Знаешь, ты могла бы просто признаться, что хочешь с ним познакомиться.

Персефона нервно рассмеялась:

– Я не хочу знакомиться с Аидом.

Богиня не знала, почему ей было так сложно сказать, что ей интересно, но она не могла заставить себя признаться, что и правда хотела познакомиться с богом подземного царства.

Лекса бросила на нее понимающий взгляд, но прежде чем подруга успела что-то ответить, с начала очереди донеслись крики. Персефона вытянула шею, чтобы посмотреть, что случилось.

Мимо огромного огра, охранявшего вход в клуб – одного из созданий, славящихся своей свирепостью и безжалостностью, которых Аид нанял защищать свою крепость, – попытался проскочить мужчина. Конечно же, это была ужасная идея. Огр, не моргнув и глазом, сомкнул лапу на запястье мужчины. Из тени тут же возникли еще два огромных огра, одетых в черное.

– Нет! Подождите! Пожалуйста! Я только хотел... Мне нужно, чтобы она вернулась! – завыл мужчина, пока существа оттащивали его.

Персефона еще долго слышала его голос.

Лекса рядом с ней вздохнула:

– Каждый раз одно и то же.

Персефона бросила на нее недоверчивый взгляд.

Лекса пожала плечами:

– Что? В «Божественных Дельфах» постоянно пишут о том, как смертные пытаются проваться в подземное царство, чтобы спасти возлюбленных.

«Божественные Дельфы» был любимым журналом Лексы со сплетнями о знаменитостях. Она мало чем была так одержима, как богами, – ну, разве что еще модой.

– Но это же невозможно, – возразила Персефона.

Все знали, что Аид жестко отстаивал границы своего царства, – ни одна душа не могла проникнуть внутрь и выбраться наружу без его ведома.

У Персефоны появилось ощущение, что то же самое касается и его клуба. И от этой мысли у нее по спине побежали мурашки.

– Людей это не останавливает, – ответила Лекса.

Когда они оказались в поле зрения огра, Персефона почувствовала себя выставленной напоказ. Один взгляд в круглые глаза существа – и она едва не отказалась от всей этой идеи. Но вместо этого девушка скрестила руки на груди и постаралась не смотреть на бесформенное лицо монстра слишком долго. Оно было сплошь покрыто рытвинами, а на выдававшейся вперед челюсти сверкали острые, как бритва, зубы. Хотя создание не могло видеть ее сквозь чары – по уровню магии ее мать превосходила огров, – она знала, что у Деметры множество шпионов по всем Новым Афинам. В ее случае невозможно быть чересчур осторожной.

Лекса назвала свое имя, и огр что-то произнес в микрофон, приколотый к лацкану его пиджака. Через мгновение он протянул руку вперед и открыл дверь в «Неночь».

Персефона удивилась, обнаружив, что они оказались в маленькой комнате, где было темно и тихо, а два огра, которых они уже видели раньше, вернулись и заняли свои места.

Существа вперили взгляды в Лексу и Персефону:

– Сумочки?

Они открыли клатчи, чтобы те могли проверить их на наличие запрещенных вещей, включая телефоны и камеры. В «Неночи» было одно правило – никаких фотографий. На самом деле это правило работало для каждого события, которое посещал Аид.

– Как Аид вообще узнает, что какой-то любопытный смертный сделал его фото? – поинтересовалась Персефона у Лексы, когда та объясняла ей правило.

– Понятия не имею, – призналась Лекса. – Я только знаю, что ему всегда становится известно и последствия того не стоят.

– А каковы последствия?

– Разбитый телефон, занесение в черный список «Неночи» и подробная статья в журнале со сплетнями.

Персефона поежилась. Аид суров, и, надо полагать, в этом был смысл. Бог подземного царства был известен своей скрытностью. Ему даже любовниц никогда не приписывали. Персефона сомневалась, что он дал обет безбрачия, как Артемида или Афина, и все же ему удалось оставаться вне поля зрения публики.

И это в нем отчасти ей даже нравилось.

После тщательного осмотра огры открыли перед ними еще одни двери. Лекса схватила Персефону за руку и потянула за собой. В лицо ей ударил порыв холодного воздуха с запахом алкоголя, пота и чего-то еще, похожего на горький апельсин.

Нарцисс. Персефона узнала запах.

Богиня весны оказалась на балконе, с которого открывался вид на главный зал клуба. Люди были повсюду – они толпились вокруг игральных столов или выпивали у бара в тесном кругу, и красная подсветка очерчивала их силуэты. У стен располагалось несколько уютных кабинок, обитых бархатом, – они также были заполнены людьми. Но все внимание Персефоны было обращено к центру зала. Люди на утопленном танцполе походили на воду в чаше. Они двигались в завораживающем ритме под потоком красного света. Потолок над ними был увешан люстрами из хрусталя и кованого металла.

– Пошли! – Лекса потянула Персефону за собой к лестнице, ведущей на нижний этаж. Богиня покрепче ухватилась за руку подруги, боясь потерять ее в толпе.

Она не сразу догадалась, в каком направлении ее ведет подруга, но уже вскоре они оказались у бара, протиснувшись к стойке там, где хватало места лишь на одного человека.

– Два «Манхэттена», – заказала Лекса. Но когда она потянулась за клатчем, между девушками проскользнула рука и кинула на барную стойку несколько долларов.

– Напитки за мой счет.

Повернувшись, Лекса и Персефона увидели позади себя мужчину. Линия его подбородка была острой, как алмаз, густые выющиеся волосы – такими же темными, как и его глаза, а кожа – смуглой и гладкой. Он был самым красивым мужчиной из всех, что когда-либо встречала Персефона.

– Спасибо, – выдохнула Лекса.

– Да не за что. – Он сверкнул идеальными белыми зубами – и это зрелище было гораздо более привлекательным по сравнению с наводящими ужас клыками огров. – Первый раз в «Неночи»?

Лекса быстро ответила:

– Да. А вы?

– О... Я здесь постоянный гость.

Персефона бросила взгляд на Лексу, тут же выпалившую именно то, о чем подумала Персефона.

– Постоянный? Но как?

Мужчина ответил теплым смехом.

– Наверное, я просто везунчик. – Он протянул руку: – Адонис.

Он пожал руку Лексы, а потом и Персефоны, после того как девушки назвали свои имена.

– Не хотите сесть за мой столик?

– С удовольствием, – одновременно ответили они, хихикая.

С напитками в руках Персефона и Лекса последовали за Адонисом к одной из кабинок, которые прежде видели с балкона. В каждой из них стояли бархатные диванчики в форме полумесяцев со столиком посередине. Там уже было несколько человек – шесть парней и пять девушек, – но они подвинулись, чтобы Лекса с Персефоновой тоже могли присесть.

– Так, это Лекса и Персефона, – затем Адонис по очереди назвал имена своих друзей, но Персефона запомнила только тех, что сидели рядом с ней. Аро и Ксеркс были близнецами с одинаковыми рыжими волосами, россыпью веснушек и очаровательными голубыми глазами. Сивилла была милой блондинкой, одетой в простое белое платье, из-под которого выглядывали стройные длинные ноги. Она сидела между близнецами и наклонилась через Аро, чтобы поговорить с Персефоной и Лексой.

– Откуда вы? – спросила она.

– Иония, – ответила Лекса.

– Олимпия, – сказала Персефона.

У девушки округлились глаза:

– Ты жила в Олимпии? Готова поспорить, там невероятно красиво!

Персефона жила очень далеко от самого города в стеклянной оранжерее своей матери и почти не видела Олимпию. Это было одно из популярных туристических направлений в Новой Греции, где заседал Совет богов и где у них были обширные владения. Когда божества отсутствовали, многие из особняков и окружающих их садов были открыты для туристов.

– Там красиво, – кивнула Персефона. – Но Новые Афины тоже прекрасны. У меня... было не так много свободы в Олимпии.

Сивилла сочувственно улыбнулась:

– Родители?

Персефона кивнула.

– А мы все из Новых Дельф, приехали учиться в колледж четыре года назад, – поделился Аро, указывая на Сивиллу и брата.

– Нам здесь тоже нравится свобода, – пошутил Ксеркс.

– А что вы изучаете? – поинтересовалась Персефона.

– Архитектуру, – хором ответили парни. – В Колледже Гестии.

– Я учусь в Божественном колледже, – сказала Сивилла.

– Сивилла – оракул. – Аро указал на нее большим пальцем.

Девушка покраснела и отвела взгляд.

– Это же значит, что ты будешь служить какому-нибудь богу! – У Лексы отвисла челюсть.

Оракул считался завидной должностью среди смертных, но, чтобы стать им, нужно было родиться с определенным пророческим даром. Оракулы выступали посланниками богов. В древние времена они проводили службы в храмах, теперь же выполняли функции менеджера. Оракулы делали заявления и организовывали пресс-конференции, особенно когда у бога имелось какое-то важное сообщение или пророчество.

– На нее уже положил глаз Аполлон, – сказал Ксеркс.

Сивилла закатила глаза:

– На деле все не так чудесно, как может показаться. Моя семья не обрадовалась.

У Сивиллы не было нужды объяснять, Персефона поняла ее без слов. Родители оракула были теми, кого верующие и богобоязненные называли безбожниками.

Безбожники были группой смертных, отрекшихся от богов, когда те спустились на землю. Почувствовав себя покинутыми ими, они не желали подчиняться. Было поднято восстание, и возникли две противоборствующие стороны. Даже боги, поддержавшие безбожников, в итоге использовали смертных в качестве марионеток, протаскивая их через поля сражений. Целый год господствовали разруха, хаос и война. Когда битвы закончились, боги пообещали им новую жизнь, нечто даже лучше Элизия (очевидно, Аиду это не особо понравилось). Но в итоге боги лишь связали между собой континенты и назвали всю эту землю Новой Грецией, поделив ее на территории с большими сияющими городами.

– Эх, а мои родители были бы в восторге, – протянула Лекса.

Персефона встретила глазами с Сивиллой.

– Мне жаль, что они так отреагировали.

Оракул пожала плечами:

– Теперь, когда я здесь, уже легче.

У Персефоны сложилось впечатление, что у них с Сивиллой много общего в том, что касается родителей.

Спустя несколько шотов разговор свелся к уморительным историям о дружбе этой троицы, и Персефона смогла отвлечься на то, что ее окружало. Она подмечала мелкие детали – такие, как нити крошечных лампочек над ними, подобных звездам в темноте неба, одиночные нарциссы на столах в каждой кабинке и кованые перила второго этажа балконов, где неясно вырисовывалась одинокая фигура.

Именно на ней остановился взгляд богини, встретив едва видимые в темноте глаза.

Ей и правда показалось, что Адонис был красивейшим из мужчин, что она когда-либо встречала?

Она ошиблась.

Этот мужчина сейчас смотрел прямо на нее.

Она не могла сказать, какого цвета у него глаза, но они будто разжигали огонь у нее под кожей, и он словно чувствовал это. Его полные губы изогнулись в суровой улыбке, привлекая внимание к сильному подбородку, покрытому темной щетиной. Он был высоким, выше шести с половиной футов, и будто бы облаченным во тьму благодаря его черным, как смоль, волосам и черному костюму.

У Персефоны пересохло в горле, ей вдруг стало неудобно. Она поежилась и скрестила ноги, тут же пожалев об этом движении, потому что взгляд мужчины задержался на них, прежде чем скользнуть вверх по ее фигуре и задержаться на соблазнительных изгибах. Глубоко внутри ее разгорался огонь, напоминая ей о том, какой пустой она себя ощущала и как отчаянно желала стать наполненной.

Кем был этот мужчина и как вообще она могла испытывать такие чувства к незнакомцу? Ей нужно было разорвать эту связь, что создавала между ними душашую ее энергию.

Для этого оказалось достаточным увидеть пару тонких рук, обвивших талию мужчины сзади. Персефона не стала дожидаться, когда увидит лицо женщины. Она повернулась к Лексе и прокашлялась.

Их компания теперь разговаривала о Пентатлоне – ежегодном соревновании атлетов, включавшем пять спортивных дисциплин: прыжки в длину, метание копья, метание диска, состязание в борьбе и серию коротких забегов. Пентатлон был крайне популярен в городах Новой Греции, где процветал дух конкуренции, и хотя Персефона не была фанатом спорта, она обожала дух Пентатлона и болела за Новые Афины на этих соревнованиях. Она попыталась включиться в разговор, но ее тело было слишком заряжено, а разум занят совершенно другим – например, мыслями о том, каково обниматься с тем мужчиной на балконе. Он мог заполнить ее пустоту, погасить этот пожар, прекратить мучения.

Вот только он, очевидно, был занят – а если не занят, то все равно находился в связи с другой женщиной.

Персефона боролась с искушением оглянуться через плечо, чтобы проверить, стоит ли он по-прежнему на балконе, пока любопытство наконец не взяло над ней верх. Но когда она туда посмотрела, балкон уже был пуст. Она нахмурилась и повертела головой, всматриваясь в толпу.

– Ищешь Аида? – пошутил Адонис, и богиня тут же перевела взгляд на него.

– О нет...

– Я слышала, сегодня он здесь, – перебила ее Лекса.

Адонис рассмеялся:

– Ага, обычно он наверху.

– А что там, наверху? – стало интересно Персефоне.

– Лаундж-зона. Там тише. Более интимная обстановка. Полагаю, он предпочитает, чтобы его окружало спокойствие, когда обсуждает условия.

– Условия? – переспросила Персефона.

– Ага, ну, знаешь, его контрактов. Смертные приходят сюда, чтобы сыграть с ним на деньги, любовь или еще что-нибудь. Самый отстой в том, что, если смертный проигрывает, Аид выбирает ставку. А он обычно просит о чем-нибудь невозможном.

– Что ты имеешь в виду?

– По-видимому, он как-то видит их пороки. Так что он просит алкоголика оставаться трезвым, эротомана – не заниматься сексом. Если они соблюдают условия, то остаются живы. Если им это не удастся – он забирает их души. И ставки будто выбирает нарочно так, чтобы они проиграли.

Персефона почувствовала легкую тошноту. Она не знала подробностей об играх с Аидом. Она слышала лишь о том, что он просил душу смертного, но *это* звучало намного, намного хуже. Это было... манипулирование.

Откуда Аид знал о слабостях смертных? Советовался ли он с мойрами или сам обладал такой силой?

– А кому разрешено подниматься туда? – поинтересовалась Персефона.

– Тому, кто знает пароль, – улыбнулся Адонис.

– А как узнать пароль? – спросила Лекса.

Адонис пожал плечами:

– Понятия не имею. Я прихожу сюда не за тем, чтобы торговаться с богом мертвых.

Хотя у Персефоны не было желания заключать сделку с Аидом, ей стало интересно: как люди получают пароль? Как Аид принимает пари? Смертные просто предлагают богу свои условия, а он потом оценивает, стоящие ли они?

Лекса встала и схватила Персефону за свободную руку:

– Персефона, в дамскую комнату.

Она повела ее через скопление людей к туалетам. Пока они ждали в хвосте длинной очереди, Лекса склонилась к Персефоне.

– Ты когда-нибудь видела более привлекательного мужчину? – зачарованно произнесла она.

Персефона нахмурилась:

– Ты про Адониса?

– Конечно, Адониса! Кого же еще?

Персефона хотела было сообщить Лексе, что, пока та строила глазки Адонису, она пропустила мужчину, который и правда заслуживал этого звания. Но не стала.

– Ты на него запала.

– Я влюбилась.

Персефона закатила глаза:

– Ты не можешь быть влюблена, ты же с ним только познакомилась!

– Ладно, может, и не влюбилась. Но если бы он попросил меня родить ему детей, я бы согласилась.

– Ты с ума сошла.

– Я просто честна. – Она улыбнулась. Потом серьезно посмотрела на Персефону и сказала: – Знаешь, быть чувствительной нормально.

– В смысле? – Вопрос Персефоны прозвучал чуть более резко, чем она ожидала.

Лекса пожала плечами:

– Да не важно.

Персефона уже хотела попросить ее пояснить, но, прежде чем она успела это сделать, открылась очередная кабинка, и Лекса скрылась в ней. Персефона ждала, перебирая в голове мысли, пытаясь понять, что Лекса могла иметь в виду, а потом открылась еще одна.

Когда Персефона вышла из туалета, она поискала глазами Лексу, будучи уверенной, что та ее подождет, но не увидела подруги в толпе. Тогда она подняла взгляд к балкону, где Аид, вероятно, заключал свои сделки. Может, она направилась туда?

Затем ее взгляд встретился с глазами цвета морской волны. У подножия лестницы, прислонившись к колонне, стояла женщина. Ее лицо показалось Персефоне знакомым, но вспомнить, кто это, она не смогла. Ее волосы, похожие на золотой шелк, сияли, как солнце Гелиоса, кожа была цвета сливок, а одета она была в современную версию пеплоса, подходившего под цвет ее глаз.

– Кого-то ищите? – спросила она.

– Подругу, – кивнула Персефона. – Она была в красном.

– Она пошла наверх. – Женщина кивнула в сторону лестницы, и Персефона проследила за ее взглядом. – Вы там были?

– О нет, не была, – мотнула головой Персефона.

– Я могу поделиться с вами паролем.

– А как вы получили пароль?

Женщина пожала плечами:

– Да так... – Она сделала паузу. – Ну так что?

Персефона не могла отрицать, что ей любопытно. Это было то волнение, которого она искала, – то приключение, о котором мечтала.

– Скажите мне.

Женщина хихикнула, и блеск в ее глазах на секунду внушил Персефоне тревогу.

– Пафос.

Трагедия. Персефона сочла это до ужаса зловещим.

– С-спасибо, – сказала она и направилась по винтовой лестнице на второй этаж. Поднявшись, она обнаружила лишь темные двери, украшенные золотом, и стоящую на страже горгону.

Лицо создания было испещрено рубцами, заметными даже под белой повязкой, прикрывающей ее глаза. Как и у прочих горгон, когда-то вместо волос у нее были змеи. Теперь же ее голову покрывал капюшон белого плаща, скрывающего все тело.

Подойдя ближе, Персефона поймала себя в отражении на стенах, отметив румянец на щеках и ярко горящие глаза. Ее чары ослабли. Она надеялась, что если кто-то и заметит это, то спишет на возбуждение и алкоголь. Персефона не понимала, почему так нервничает. Может, из-за того, что не знала, чего ожидать за теми дверями?

Горгона подняла голову, но ничего не сказала. Спустя мгновение создание сделало вдох, и Персефона замерла.

– Божество, – промурлыкала горгона.

– Простите? – переспросила Персефона.

– Богиня.

– Ты ошибаешься.

Горгона рассмеялась:

– У меня, может, и нет глаз, но я всегда узнаю богов по запаху. На что ты надеешься, входя сюда?

– А ты храбра для создания, знающего, что оно говорит с богиней, – заметила Персефона.

Горгона улыбнулась:

– Богиня только тогда, когда тебе это выгодно?

– Пафос! – рывкнула девушка.

Не переставая улыбаться, но больше не задавая вопросов, горгона открыла дверь.

– Хорошего вечера, миледи.

Персефона бросила на чудовище гневный взгляд и вошла в маленькую задымленную комнату. В отличие от главного зала клуба здесь царила тихая интимная обстановка. С потолка свисала одна большая люстра, дававшая достаточно света, чтобы разглядеть столы и лица, но не более того. Несколько групп людей сидели вместе, играя в карты, но никто из них как будто не заметил ее.

Когда дверь у нее за спиной закрылась, она двинулась вперед, надеясь отыскать Лексу, но вдруг обнаружила, что ее куда больше интересуют люди и игры. Она наблюдала, как грациозные руки раздавали карты, и слушала, как игроки за столами обмениваются шутками. Потом она подошла к овальному столу, от которого уже отходили гости. Она не знала, что ее туда притянуло, но решила сесть.

Крупье кивнул:

– Мадам.

– Вы играете? – раздался голос позади нее. Он отозвался гулким рокотом у нее в груди.

Она повернулась и встретилась взглядом с бездонными глазами. Мужчина, которого она видела на балконе, стоял в тени. В крови Персефоны разгорелось пламя, обдав ее щеки румянцем. Она свела ноги и сжала ладони в кулаки, чтобы не поежиться от его взгляда.

Оказавшись так близко к нему, она могла заполнить пробелы в оценке его внешности. Он был прекрасен в темном смысле этого слова – таком, что сулил разбитое сердце. Глаза его были цвета обсидиана, окаймленные густыми ресницами, волосы собраны в хвост на затылке. Она оказалась права насчет его роста – ей пришлось запрокинуть голову, чтобы встретиться с ним взглядом.

Только когда у Персефоны заболело в груди, она поняла, что не дышала с тех пор, как к ней подошел этот мужчина. Она медленно втянула воздух, а вместе с ним и запах незнакомца. Дым, пряности и зимний воздух. Он заполнил каждый уголок внутри ее.

Пока она рассматривала его, он отпил глоток из своего бокала и облизал губы. Он был воплощением порока. Она чувствовала это по тому, как ее тело реагировало на него, – и не хотела, чтобы он это понял. Так что она улыбнулась и сказала:

– Я с удовольствием сыграю, если вы меня научите.

Его губы изогнулись в усмешке, темная бровь приподнялась. Он взял еще один бокал и вернулся к столу, чтобы занять место рядом с ней.

– Довольно смело – садиться за стол, не зная, что тут за игра.

Она посмотрела ему в глаза:

– А как еще мне научиться?

– Хм-м, – задумался он, и Персефона решила, что ей нравится его голос. – Разумно.

Потом мужчина посмотрел на нее, словно пытаясь ее раскусить, и по спине у богини побежали мурашки.

– Я никогда вас раньше здесь не видел.

– Я никогда здесь прежде не была, – ответила она и сделала паузу. – А вы, кажется, часто тут бываете.

Он усмехнулся:

– Ну да.

– Почему? – спросила она. Персефона сама не ожидала, что произнесет это вслух, – как и мужчина. Он вскинул брови. Она попыталась оправдаться: – В смысле... Вы не обязаны отвечать на этот вопрос.

– Я отвечу на него. Если вы ответите на мой вопрос.

Она на мгновение задержала на нем взгляд, потом кивнула:

– Ладно.

– Я прихожу сюда ради... *забавы*, – сказал он, но его ответ прозвучал так, будто ему вовсе не знакомо, что это. – А теперь вы: почему вы сегодня здесь?

– Моя подруга Лекса попала в список приглашенных, – ответила Персефона.

– Нет. Это не ответ на мой вопрос. Почему вы здесь сегодня?

Она подумала, а потом сказала:

– Приход сюда показался мне бунтарством.

– Теперь вы в этом не уверены?

– Нет, я уверена, что это бунтарство. – Персефона провела пальцем по поверхности стола. – Но я не знаю, что буду думать об этом завтра.

– А против кого вы бунтуете?

Она посмотрела на него и улыбнулась:

– Вы говорили про один вопрос.

Мужчина улыбнулся ей в ответ, и от этого сердце у нее в груди забилося чаще.

– Вы правы.

Глядя в эти бездонные глаза, Персефона чувствовала, что он видит ее – не чары и даже не кожу и кости, но ее суть, и от этого ее бросило в дрожь.

– Вы замерзли? – заметил он.

– Что?

– Вы дрожите с тех пор, как сели за стол.

Богиня чувствовала, как краснеет.

– Кто была та женщина рядом с вами?

Смушение легло тенью на его лицо, но уже через мгновение оно прояснилось.

– А, это Минфа. Она все время кладет руки туда, куда не следует.

Персефона побледнела. Его ответ прозвучал так, словно она его любовница, и если это было правдой, богине он больше не интересен.

– Кажется... мне пора.

Он остановил ее, схватив за руку. Его прикосновение было словно напитано электричеством и мгновенно согрело ее изнутри. Она тут же отдернула руку.

– Нет, – произнес он практически приказным тоном, и Персефона рассерженно взглянула на него:

– Простите?

– Я еще не научил вас играть. – Тон его голоса снизился и стал завораживающим. – Позвольте мне.

Посмотреть ему в глаза было ошибкой, потому что после этого она уже не могла ответить «нет». Персефона слотнула и попыталась расслабиться.

– Тогда научите.

Его глаза прожгли ее, прежде чем он перевел взгляд на карты. Он перетасовал их, пояснив:

– Это покер.

Богиня заметила, какие изящные у него руки и длинные пальцы. Он играл на фортепиано?

– Мы сыграем в расклад из пяти карт и начнем со ставок. – Персефона опустила взгляд на свои колени – она не взяла свой клатч. Но мужчина тут же добавил: – Пусть это будут ответы на вопросы. Если я выиграю, вы ответите на любой вопрос, что я задам. Если выиграте вы – я отвечу на ваш.

Персефона поморщилась. Она знала, о чем он собирается ее спросить, но отвечать на вопросы было гораздо лучше, чем проиграть все деньги и душу, так что она ответила:

– Договорились.

Его чувственные губы изогнулись в улыбке, сделав явнее тонкие морщины на его лице, отчего он стал еще привлекательнее. Кем был этот мужчина? Персефона могла бы спросить его имя, но она не собиралась заводить друзей в «Неночи».

Раздавая карты, мужчина объяснил, что в покере есть десять комбинаций, низшей из которых является старшая карта, а наивысшей – флеш-рояль. Цель игры – собрать комбинацию выше, чем у другого игрока. Он объяснил и другие понятия, такие как пропуск, пас и блеф.

– Блеф? – переспросила Персефона.

– Иногда покер – игра притворства... Особенно когда проигрываешь.

Персефона взглянула на свою руку и попыталась вспомнить, что он говорил о разных комбинациях. Она разложила свои карты на столе лицом вверх, и мужчина сделал то же самое.

– У вас две дамы, – сказал он. – А у меня фулл-хаус.

– Значит... вы выиграли.

– Да, – ответил он и сразу же потребовал свой выигрыш: – Против кого вы бунтуете?

Она иронично улыбнулась:

– Против своей матери.

Он приподнял бровь:

– Почему?

– Вам придется выиграть еще раз, чтобы я ответила.

Он снова раздал карты и снова выиграл. На этот раз он не задал вопрос, а просто выжидательно посмотрел на нее.

Персефона вздохнула:

– Потому что... я на нее разозлилась.

Мужчина уставился на нее в ожидании продолжения, и она улыбнулась:

– Вы не говорили, что ответ должен быть подробным.

Он улыбнулся ей в ответ:

– Запомню на будущее, обещаю.

– На будущее?

– Я надеюсь, это не последний раз, когда мы играем в покер.

У Персефоны в животе вспорхнули бабочки. Ей нужно было сказать ему, что это ее первый и последний поход в «Неночь».

Вот только она так и не смогла заставить себя произнести эти слова.

Он снова раздал и снова выиграл. Персефоне уже начало надоедать проигрывать и отвечать на вопросы мужчины. Почему он вообще так заинтересовался ею? Где была та женщина, что стояла рядом с ним на балконе?

– Почему вы разозлились на свою мать?

Она на мгновение задумалась.

– Она хочет, чтобы я была той, кем я быть не могу. – Персефона опустила взгляд на карты. – Я не понимаю, почему люди это делают.

Он склонил голову набок.

– Вам не нравится наша игра?

– Нравится. Но... я не понимаю, почему люди играют с *Аидом*. Почему они хотят продать ему свою душу?

– Они соглашаются на игру не потому, что хотят продать душу, – ответил он. – Они делают это, потому что думают, что могут выиграть.

– А они выигрывают?

– Иногда.

– Его это злит, как думаете? – Этот вопрос должен был остаться у нее в голове, и все же слова слетели с ее губ.

Мужчина ухмыльнулся, и глубоко внутри ее поднялось незнакомое чувство.

– Дорогая, я выигрываю в любом случае.

Ее глаза округлились, сердце забилось в груди. Она тут же встала, и его имя вырвалось из ее рта, словно ругательство:

– *Аид.*

Его имя у нее на языке, кажется, произвело на него впечатление, но она не могла сказать, какое именно – хорошее или плохое. Его глаза потемнели, а улыбка сменилась на жесткую непроницаемую маску.

– Мне пора идти.

Она развернулась и покинула небольшой зал.

На этот раз Персефона не позволила ему остановить ее. Она торопливо спустилась по спиральной лестнице и нырнула в толпу на первом этаже. Все это время она остро чувствовала место на своем запястье, где пальцы Аида коснулись ее кожи. Было ли преувеличением сказать, что оно горело?

Ей потребовалось время, чтобы найти выход. Оказавшись снаружи, она сделала несколько глубоких вдохов, прежде чем позвать такси. Сев в него, она отправила быстрое сообщение Лексе о том, что уехала из клуба, потому что ей стало нехорошо. Было бы нечестно по отношению к подруге заставлять ее уходить раньше, в то время как Персефона не могла больше ни минуты оставаться в этой башне.

Осознание того, что она натворила, обрушилось на нее со всей мощью.

Она позволила Аиду, богу подземного царства, учить ее, прикоснуться к ней, играть с ней, задавать ей вопросы.

И он выиграл.

Но это было еще не самое плохое.

Нет, худшее заключалось в том, что какая-то ее часть – та, о существовании которой до сегодняшнего вечера она даже не подозревала, – хотела броситься обратно в клуб, найти его и потребовать урока по анатомии его тела.

Глава III. Новости Новых Афин

Утро наступило быстро.

Персефона всмотрелась в зеркало, чтобы убедиться, что ее чары на месте. Магия была слабой, так как богиня ее заимствовала, но достаточной, чтобы спрятать рога и изменить бутылочно-зеленый цвет ее глаз на болотный.

Она протянула руку, чтобы нанести еще капельку чар на глаза. С ними было сложнее всего – большая часть магии уходила на то, чтобы приглушить их необычно яркий свет. Сделав это, девушка застыла, заметив что-то у себя на запястье.

Что-то темное.

Она поднесла запястье ближе к глазам. На коже проступил ряд точек – некоторые меньше, другие больше. Они были похожи на простую элегантную татуировку.

Так не должно быть.

Персефона включила кран и терла кожу до тех пор, пока та не покраснела, но чернила не пропали и даже не потускнели. По правде говоря, они как будто стали еще темнее.

Потом она вспомнила, как вчера в «Неночи» ее руку накрыла рука Аида, чтобы не дать ей уйти. Ее согрело тепло его прикосновения, но после, когда она сбежала из клуба, кожа в этом месте начала гореть, и ощущение усилилось, когда она легла спать.

Богиня несколько раз включала свет, чтобы проверить запястье, но ничего не находила.

До сегодняшнего утра.

Персефона подняла взгляд к зеркалу, и ее чары покрылись рябью от гнева. Почему она подчинилась его требованию остаться? Почему не смогла понять, что попросила научить ее играть в карты самого бога мертвых?

Она знала почему. Ее отвлекла его красота. Почему никто не предупредил ее, что Аид – очаровательный мерзавец? Что от его улыбки перестаешь дышать, а от одного взгляда замирает сердце?

Что за метка у нее на запястье и что она значит?

Одно богиня знала наверняка: Аид ей расскажет.

Сегодня же.

Однако, прежде чем она сможет вернуться в башню из обсидиана, ей нужно сходить на стажировку. Ее взгляд упал на богато украшенную шкатулку, что дала ей мать. Она стояла на углу ее туалетного столика, наполненная драгоценностями. Но когда Персефоне было двенадцать лет, в ней лежали лишь пять золотых зерен. Деметра создала их своей магией и сказала, что из них вырастут розы цвета жидкого золота – для богини весны.

Персефона посадила их и старательно ухаживала за ними, но вместо пышного цвета они выросли пожухлыми и черными.

Она никогда не забудет выражения лица матери, когда та увидела поникшие розы, – шок, разочарование и отказ верить в то, что цветы ее дочери растут, будто из самого царства мертвых.

Деметра протянула руку, дотронулась до цветов, и они наполнились жизнью.

Персефона никогда больше к ним не подходила и избегала этой части оранжереи.

При виде шкатулки метка у нее на коже стала такой же горячей, как ее стыд. Ее мать не должна узнать об этом.

Девушка порывалась в шкатулке и вытащила браслет – достаточно широкий, чтобы скрыть метку. Этого будет достаточно, пока Аид ее не уберет.

Персефона вернулась к себе в комнату, но не успела сделать и пару шагов, как перед ней вдруг из ниоткуда возникла ее мать. Персефона подпрыгнула, и сердце едва не выскочило у нее из груди.

– О боги, мама! А ты не могла бы пользоваться дверью, как нормальные родители? И стучаться, прежде чем войти?

В обычный день Персефона бы так не возмутилась, но сегодня она была на взводе. Деметра не могла узнать про «Неночь». Девушка торопливо перебрала в памяти все, что было на ней прошлым вечером, – платье уже было в комнате Лексы, туфли у нее в шкафу, а украшения она засунула в сумочку, что висела на дверной ручке.

Богиня плодородия была прекрасна и не тратила время на то, чтобы скрыть под чарами свои элегантные семиконечные оленьи рога. Ее волосы были светлыми, как у Персефоны, но прямыми и длинными. Ее кожа сияла, а высокие скулы были подчеркнуты природным розовым оттенком, как и губы. Деметра приподняла заостренный подбородок, окидывая Персефону критичным взглядом глаз, что меняли свой цвет от карего до зеленого и золотого.

– Чепуха, – произнесла она и приподняла подбородок Персефоны большим и указательным пальцами, чтобы наложить еще чар. Персефона и без зеркала знала, что делает мать – замазывает веснушки, румянит щеки и выпрямляет ее волнистые волосы. Деметре нравилось, когда Персефона была похожа на нее, а Персефона предпочитала походить на мать как можно меньше. – Ты можешь изображать из себя смертную, но при этом все равно выглядеть божественно.

Персефона закатила глаза. Ее внешность была для матери еще одним поводом для раздражения.

– Вот! – наконец воскликнула Деметра и отпустила ее подбородок. – Прекрасно.

Персефона взглянула в зеркало. Она была права – Деметра скрыла все, что Персефоне так нравилось в своей внешности. И все же она сумела выдать:

– Спасибо, мама.

– Да не за что, мой цветок. – Деметра погладила ее по щеке. – Ну, расскажи мне об этой... работе.

Это слово слетело с губ Деметры, будто ругательство. Персефона стиснула зубы. Она удивилась, как быстро и бурно в ней вспыхнул гнев.

– Это стажировка, мама. Если я справлюсь, то получу работу, когда закончу учиться.

Деметра нахмурилась:

– Дорогая, ты же знаешь, тебе не обязательно работать.

– Ага, конечно, – пробормотала Персефона себе под нос.

– Что ты сказала?

Персефона повернулась к матери и произнесла уже громче:

– Я этого хочу. И у меня неплохо получается.

– У тебя много чего неплохо получается, Кора.

– Не называй меня так! – огрызнулась Персефона, и глаза ее матери вспыхнули. Она уже видела этот взгляд – прямо перед тем, как мать высекла одну из своих нимф за то, что упустила ее из виду.

Персефоне не следовало выходить из себя, но она не смогла сдержаться. Она ненавидела это имя. Это было ее детское прозвище, и значило оно «дева». Само это слово было подобно тюрьме, но, что еще хуже, оно напоминало ей, что, если она переступит черту, прутья ее клетки тут же отвердеют. Она была лишеной магии дочерью обительницы Олимпа. Кроме того, она заимствовала магию своей матери, и эта привязь делала ее послушание матери еще более важным. Без чар Деметры Персефона не смогла бы жить в мире смертных, не выдав себя.

– Прости, мама, – выдала она, не глядя матери в глаза. Не потому, что была расстроена, а потому, что на самом деле не чувствовала себя виноватой.

– О мой цветок. Я тебя не виню. – Деметра положила руки на плечи дочери. – Это все мир смертных. Это он нас с тобой разделяет.

– Не говори глупостей, мама, – вздохнула Персефона, обхватив ладонями лицо Деметры. Произнося следующие слова, она была более чем искренна: – Ты все, что у меня есть.

Деметра улыбнулась, положив руки на запястья дочери. Метка Аида снова прожгла Персефоне руку. Мать слегка наклонилась вперед, словно хотела поцеловать дочь в щеку. Но вместо этого сказала:

– Помни об этом.

После этого она исчезла.

Персефона выдохнула, ее плечи опустились. Даже когда ей было нечего скрывать, общение с матерью изматывало. Она все время была на взводе, в постоянной готовности к тому, что мать посчитает неприемлемым на этот раз. Спустя время Персефона начинала думать, что излишне накрутила себя по поводу досадных слов матери, но иногда они ранили ее.

Она отогнала неприятные мысли, сосредоточившись на выборе наряда для сегодняшнего дня – прелестного светло-розового платья с присборенными рукавами, пары белых туфель на танкетке и белой сумочки. Перед выходом она остановилась у зеркала, чтобы всмотреться в свое отражение, и сняла чары с волос и лица, вернув себе кудри и веснушки. Богиня улыбнулась, снова узнав себя.

Персефона покинула квартиру и почувствовала себя гораздо счастливее, едва ступив под утреннее солнце. У Персефоны не было машины, не было у нее и способности перемещаться, как у других богов, так что, когда ей нужно было добраться в какое-то место в Новых Афинах, она либо шла пешком, либо садилась на автобус. Сегодня было тепло, и она решила прогуляться.

Персефона любила этот город, потому что он был совершенно не похож на место, где она выросла. Здесь возвышались зеркальные небоскребы, сверкавшие в теплых лучах Гелиоса. Музеи здесь были наполнены историями, которые Персефона узнала, только переехав в этот город. Здания были произведениями искусства, и к тому же почти в каждом квартале имелись скульптуры или фонтаны. Помимо всего этого камня, стекла и металла в городе простирались акры парков с роскошными садами и деревьями, где Персефона нередко гуляла по вечерам. Свежий воздух напоминал ей о том, что она свободна.

Она сделала вдох, пытаясь справиться с волнением. Но внутри ее будто затянулся узел из-за татуировки на запястье. Ей нужно было избавиться от нее прежде, чем ее заметит Деметра, иначе несколько лет ее свободы обратятся в вечность в стеклянной коробке.

Обычно именно этот страх заставлял Персефону быть осторожной.

За исключением прошлой ночи – ночи, когда она почувствовала себя бунтаркой. И, несмотря на эту странную метку на коже, «Неночь» и ее властитель стали всем, чего она когда-либо желала.

Богине хотелось, чтобы это было не так – хотелось считать Аида отталкивающим. Она жалела, что провела прошлую ночь в воспоминаниях о том, как его темные глаза изучали ее тело, как ей пришлось запрокинуть голову, чтобы встретиться с ним взглядом, как его изящные руки тасовали карты.

Каково это – чувствовать эти длинные пальцы на своей коже? Каково оказаться в его объятиях?

После прошлой ночи Персефона хотела того, чего не желала никогда прежде. Вскоре ее волнение сменилось огнем, столь незнакомым и сильным, что ей показалось, будто она вот-вот обратится в пепел.

О боги. Почему она вообще думает об этом?

Одно дело считать бога мертвых привлекательным, но *желать* его... это совсем другое. Между ними ничего не могло быть. Ее мать ненавидела Аида, и богиня знала – ей не нужно было даже спрашивать, – что отношения между ними под запретом. Она также знала, что магия ее матери нужна ей больше, чем утоление огня, бушующего внутри.

Персефона дошла до Акрополя: его блестящий зеркальный фасад едва не ослепил ее. Она поднялась по невысокой лестнице к дверям из стекла и золота. На первом этаже ей пришлось пройти через ряд турникетов с охраной – обязательным элементом компаний, размещавшихся в многоэтажном здании, включая рекламную компанию Зевса – креативное агентство «Дуб и Орел». Почитатели Зевса нередко собирались у Акрополя, надеясь взглянуть на бога грома хоть одним глазком. Однажды группа безумцев даже попыталась взять здание штурмом, чтобы добраться до него, что было отчасти иронично, ведь Зевс редко бывал в Акрополе, проводя большую часть своего времени в Олимпии.

Однако агентство Зевса было не единственным, нуждавшимся в охране. «Новости Новых Афин» в свое время подняли несколько сложных тем – таких, что привели в ярость как богов, так и смертных. Персефона не слышала ни об одном акте мести, но, проходя через охрану, понимала, что эти смертные охранники не смогут остановить разгневанного бога, рвущегося на шестидесятый этаж, чтобы отомстить.

После турникетов она вышла к ряду лифтов, которые доставили ее на нужный этаж. Двери открылись в огромном вестибюле с вывеской «Новости Новых Афин». Под ней располагался стол из выгнутого стекла, и красивая девушка с длинными темными локонами поприветствовала ее улыбкой. Ее звали Валери, Персефона помнила ее по собеседованию.

– Персефона, – произнесла она, обходя стол. – Рада снова тебя видеть. Я тебя провожу. Деметрий уже ждет.

Валери отвела Персефону в редакцию новостей за стеклянной перегородкой. Несколько столов из металла и стекла были расставлены здесь ровными рядами. В помещении кипела работа – телефоны звонили, бумаги шуршали, по клавишам стучали пальцы журналистов и редакторов, создающих очередные статьи. В воздухе разливался душный аромат кофе, словно все это место работало на кофеине и чернилах. Обстановка привела Персефону в трепет, и сердце бешено забилося у нее в груди.

– Насколько я знаю, ты из Университета Новых Афин, – сказала Валери. – Когда у тебя заканчивается учеба?

– Через полгода.

Персефона уже не раз представляла себе момент, когда пройдет по большой сцене, чтобы получить диплом. Это будет кульминация времени, проведенного ею среди смертных.

– Ты, наверное, ждешь не дождешься.

– Ага. – Персефона взглянула на Валери: – А ты? Сколько тебе еще учиться?

– Еще два года, – ответила Валери.

– А как долго ты здесь?

– Около года, – улыбнулась она.

– Планируешь остаться здесь после выпуска?

– В этом здании, да, но на несколько этажей выше – в креативном агентстве «Дуб и Орел», – усмехнулась она.

А, так ее ждала рекламная компания Зевса.

Валери постучала по открытой двери кабинета в дальней части зала:

– Деметрий, Персефона пришла.

– Спасибо, Валери, – кивнул Деметрий.

Девушка повернулась к Персефоне, улыбнулась и удалилась. Богиня вошла в кабинет и впервые взглянула на своего нового босса, Деметрия Аэтоса. Он был старше, но, очевидно, в свое время разбил не одно сердце. Его волосы были коротко стрижены по бокам, чуть длиннее сверху и отливали сединой. Очки в черной оправе придавали ему ученый вид. Черты его лица Персефона назвала бы утонченными – тонкие губы и маленький нос. Он был высоким и худым. Одет Деметрий был в голубую рубашку, широкие брюки цвета хаки и с галстуком-бабочкой в горошек.

– Персефона, – сказал он, обойдя стол и протянув ей руку. – Рад снова тебя видеть. Мы счастливы, что ты теперь с нами.

– И я счастлива быть здесь, мистер Аэτος, – девушка пожала ему руку.

– Зови меня Деметрием.

– Хорошо... Деметрий. – Она не сдержала улыбки.

– Пожалуйста, присаживайся! – Он кивнул в сторону стула, и она села. Деметрий присел на край своего стола, засунув руки в карманы. – Расскажи мне о себе.

Когда Персефона только переехала в Новые Афины, она ненавидела этот вопрос. В тот момент она могла говорить лишь о своих страхах – замкнутых пространствах, ощущения загнанности в ловушку, лифтов. Спустя время она набралась опыта, и ей стало проще определять себя тем, что ей нравилось.

– Я студентка Университета Новых Афин. Моя специальность – журналистика, и я заканчиваю учиться в мае... – начала она, но Деметрий взмахнул рукой:

– Нет, не то, что уже есть в резюме.

Он встретился с ней взглядом, и она заметила, что у него голубые глаза.

Деметрий улыбнулся:

– Какая ты? Какие у тебя хобби, интересы?

– Ох! – Она покраснела и на секунду задумалась. – Я люблю печь. Это помогает мне расслабиться.

– Правда? Продолжай. Что именно тебе нравится печь?

– Да, по правде говоря, что угодно. Сейчас я оттачиваю искусство приготовления сахарного печенья.

Он поднял брови, не переставая улыбаться:

– Искусство приготовления сахарного печенья? Вот, значит, как?

– Да, я вам покажу.

Она достала телефон и нашла несколько фотографий. Конечно же, она снимала только лучшие свои творения.

Деметрий взял телефон и пролистал снимки.

– О, как здорово. Они великолепны, Персефона.

Он встретился с ней взглядом, возвращая телефон.

– Спасибо. – Персефона отругала себя за дурацкую улыбку, появившуюся у нее на лице, но кроме Лексы ей еще никто этого не говорил.

– Итак, ты любишь печь. А что еще?

– Я люблю писать, – призналась она. – Рассказы.

– Рассказы? В смысле, художественные?

– Да.

– О любви? – предположил он.

Так думали большинство людей, и румянец на щеках Персефоны ей, прямо скажем, не помогал.

– Вообще-то, нет. Мне нравятся детективы.

Брови Деметрия снова взлетели вверх.

– Неожиданно, – сказал он. – Мне это нравится. Чего ты ждешь от этой стажировки?

– Приключений, – не удержалась она. Слово слетело с ее губ, но Деметрий, кажется, был доволен.

– Приключений... – Он отошел от стола. – Если ты жаждешь приключений, «Новости Новых Афин» тебе их обеспечат, Персефона. На этой позиции ты сможешь заниматься тем, чем захочешь, – все в твоих руках. Захочешь делать репортажи – делай репортажи. Хочешь редактировать – редактируй. Хочешь приносить кофе – приноси.

Персефона не собиралась приносить кофе никому, кроме себя, но не стала говорить ему об этом. Она и не думала, что может прийти в еще больший восторг, но пока Деметрий говорил, ее накрыло всепоглощающее чувство, что эта стажировка изменит ее жизнь.

– Уверен, ты знаешь, что нас нередко упоминают в новостях. – Он криво усмехнулся. – Иронично, с учетом того, что мы и сами новостной источник.

«Новости Новых Афин» были известны большим количеством поданных против них исков. Их постоянно упрекали в распространении порочащих сведений, клевете и вмешательстве в личную жизнь. Тем не менее это были еще не самые страшные обвинения, выдвинутые против компании.

– Я не могла поверить, когда Аполлон обвинил вас в том, что вы члены Триады, – помотала головой Персефона.

Триада была группой смертных-безбожников, активно выступавших против богов и опирающихся на честность, добрую волю и свободу. Зевс объявил их террористической организацией и угрожал смертью всем, кто будет пойман на их пропаганде.

– О да. – Деметрий поднял брови и потер заднюю часть шеи. – Полный абсурд, конечно, но люди все равно в это верят.

Пожалуй, худшее во всем этом было то, что в результате решения Зевса верующие организовали культы, начали охоту на своих же и убили нескольких человек, открыто заявлявших о своем безбожии. При этом их не волновало, были те членами Триады или нет. Это было ужасное время, а Зевс выступил против культов с большим опозданием. «Новости Новых Афин» сами об этом рассказали.

– Мы ищем правду, Персефона, – произнес Деметрий. – В правде сила. Ты хочешь силы? Он даже не представлял, о чем спрашивал.

– Да, – сказала она. – Я хочу силы.

На этот раз, улыбнувшись, Деметрий обнажил зубы.

– Тогда ты здесь преуспеешь.

Деметрий показал Персефоне ее стол, который стоял рядом с его кабинетом. Она положила сумочку и начала обустроиваться: проверила ящики, отметила, что из канцтоваров для работы ей нужно попросить или купить. На стеклянной поверхности стола лежал новенький ноутбук. Его поверхность была прохладной, и когда девушка его открыла, на темном экране отразилось лицо мужчины позади нее. Она повернулась на стуле и встретилась взглядом с парой округлившись от удивления глаз.

– Адонис, – произнесла она.

– Персефона. – Он выглядел так же привлекательно, как и прошлой ночью, но более профессионально: в лавандовой рубашке и с кружкой кофе в руке. – Я и не знал, что ты наш новый стажер.

– А я не знала, что ты тут работаешь, – улыбнулась она.

– Я старший репортер, в основном занимаюсь развлечениями, – самодовольно произнес он. – Нам тебя не хватало, прошлым вечером ты так неожиданно ушла.

– О да, прости. Я хотела подготовиться к своему первому дню.

– Не буду тебя за это винить. Ну, добро пожаловать.

– Адонис, – обратился к нему Деметрий, возвращаясь к себе в кабинет, – ты не мог бы устроить Персефоне экскурсию по нашему этажу?

– С удовольствием. – Парень улыбнулся ей: – Готова?

Персефона последовала за Адонисом, готовая окунуться в динамичную обстановку своего нового офиса. Она была рада увидеть знакомое лицо, даже несмотря на то что она встретила его только вчера. Благодаря этому ей здесь было как-то комфортнее.

– Это рабочая комната. Здесь изучают поступающую информацию и проводят расследования, – сказал он.

Люди поднимали взгляды от своих экранов, когда они с Адонисом проходили мимо, махали и улыбались Персефоне. Адонис указал на застекленные комнаты:

– Это комнаты для проведения интервью и конференций. Столовая. Комната отдыха. – Он указал на огромный зал с удобными зонами отдыха и теплым приглушенным светом. Пространство было очень уютным, и там уже сидели несколько людей.

– Ты, возможно, предпочтешь писать здесь, когда появится такая возможность.

Адонис показал ей шкаф с канцтоварами, и она взяла ручки, стикеры и блокноты. Помогая Персефоне отнести все обратно к ее столу, он уточнил:

– А какой вид журналистики тебе интересен?

– Я склоняюсь к журналистским расследованиям, – ответила она.

– О, детективы, да?

– Мне нравится исследовать.

– Какой-то конкретный объект? – спросил он.

Аид.

Имя бога внезапно всплыло в ее голове, и она поняла, что это из-за метки у нее на запястье. Она страстно желала снова попасть в «Неночь» и выяснить, что она значила.

– Нет, мне просто... нравится решать загадки, – пожала плечами девушка.

– Ну, тогда, возможно, ты сможешь нам выяснить, кто ворует еду из холодильника в столовой.

Персефона рассмеялась.

У нее появилось чувство, что ей здесь понравится.

Глава IV. Контракт

Меньше чем через час после ухода из Акрополя Персефона уже стояла перед зданием «Неночи» и стучала в безупречную черную дверь. Она приехала сюда на автобусе, и эта поездка едва не свела ее с ума. Она не могла спокойно сидеть. В голове перемешались все виды страхов и тревог, касающихся метки. Был ли этот браслет каким-то... *притязанием*? Был ли он чем-то, что теперь связывало ее душу с подземным царством? Или это был один из его ужасных контрактов?

Она собиралась это выяснить, если кто-нибудь уже наконец откроет эту чертову дверь!
– Ау! – крикнула она. – Есть там кто-нибудь?

Она продолжала барабанить в дверь, пока у нее не заболели руки. И когда она уже готова была сдаться, дверь вдруг распахнулась. На нее злобно воззрился огр, стоявший вчера на входе. При свете дня он выглядел еще более ужасающе. Толстая кожа свисала складками вокруг его шеи, и он смотрел на нее своими маленькими сощуренными глазками.

– Чего тебе надо? – прорычал он, и от нее не ускользнуло, что он мог бы одной рукой раздавить ей череп.

– Мне нужно поговорить с Аидом, – произнесла она.

Огр уставился на нее, а потом просто захлопнул дверь.

Это ее по-настоящему взбесило.

Она снова заколотила в дверь.

– Придурок! Впусти меня!

Она всегда знала о существовании огров и читала о некоторых их слабостях в книгах Библиотеки Артемиды. Одна из них заключалась в том, что огры ненавидели, когда их обзывали.

Огр снова распахнул дверь и зарычал на Персефону, обдав ее лицо гнилым дыханием. Он наверняка думал, что это ее отпугнет, ведь, вне всяких сомнений, это всегда срабатывало, но только не на Персефоне. Метка на запястье вела ее вперед. На кону была ее свобода.

– Я требую, чтобы ты выпустил меня! – Она вдавила ногти в свои ладони. Порамышляла, сколько свободного места есть в дверном проеме. Сможет ли она проскользнуть мимо огромной твари? Если она будет двигаться достаточно быстро, из-за своих размеров он, возможно, потеряет равновесие.

– Кто ты такая, смертная, чтобы требовать аудиенции у бога мертвых? – спросило существо.

– Твой лорд оставил на мне метку, и мне надо с ним серьезно поговорить.

Существо рассмеялось, и его глаза-бусинки заискрились.

– Тебе с ним надо серьезно поговорить?

– Да, мне. Впусти меня!

С каждой секундой она все больше выходила из себя.

– Мы закрыты, – ответило существо. – Придется тебе прийти в другой раз.

– Я не уйду. Впусти меня сейчас же, ты, большой уродливый огр!

Персефона осознала свою ошибку сразу, как только слова слетели у нее с губ. Лицо твари изменилось. Он схватил ее за шею и поднял над землей.

– Кто ты? – рявкнул он. – Коварная маленькая нимфа?

Девушка вцепилась ногтями в стальную кожу огра, но он лишь глубже вдавил свои мясистые пальцы ей в горло. Она не могла дышать, на глазах проступили слезы, и единственное, что ей оставалось, – сбросить свои чары.

Когда ее рога стали заметны, создание тут же выпустило ее из лап, словно она его обожгла. Персефона покачнулась и сделала глубокий вдох. Она прижала руку к своему нежному

горлу, но устояла на ногах и гневно воззрилась на огра в своем настоящем облике. Он опустил глаза, не смея посмотреть на нее и встретиться взглядом с ее неестественно яркими глазами.

– Я Персефона, богиня весны, и если ты хочешь сохранить свою скоротечную жизнь, ты подчинишься мне.

Ее голос дрожал. Ее все еще трясло после того, как огр чуть не задушил ее. Слова, что она использовала, принадлежали ее матери. Та произнесла их, угрожая сирене, которая отказалась помочь ей найти потерявшуюся Персефону. Малышка сидела всего в нескольких шагах от них, прячась за кустом. Она услышала резкие слова матери и запомнила – зная, что без магических сил слова будут ее единственным оружием.

Дверь позади огра распахнулась. Тот сделал шаг в сторону и упал на колени, увидев в проеме Аида.

У Персефоны перехватило дыхание. Весь день его образ стоял у нее перед глазами, она вспоминала его элегантные, но мрачные черты. И тем не менее то, что она сохранила в памяти, было лишь бледной тенью его реальной внешности. Персефона была уверена, что на нем тот же костюм, что и накануне, но галстук болтался на шее развязанным, а пуговицы рубашки были расстегнуты на шее, слегка обнажая грудь. Как будто его отвлекли во время раздевания.

Потом она вспомнила женщину, что обнимала его за талию, – *Минфу*. Возможно, она прервала их любовные игры. От этой мысли она испытала огромное удовлетворение, хоть и знала, что ей должно быть все равно.

– Леди Персефона, – его голос был низким и соблазнительным, так что она поежилась.

Богиня заставила себя открыто взглянуть ему в глаза – в конце концов, они были равны, и она хотела, чтобы он знал это, ведь она собиралась предъявить свои требования. Она обнаружила, что Аид изучает ее, склонив голову набок. Под его взглядом ее настоящая внешность вдруг стала для нее чем-то очень личным, и ей захотелось снова спрятаться за чарами. Она совершила ошибку – впала в гнев и отчаяние, выдав себя.

– Лорд Аид, – выдавила Персефона, коротко кивнув. Она испытала гордость за себя, потому что ее голос не дрожал, хотя внутри ее всю трясло.

– Милорд, – огр опустил голову, – я не знал, что она богиня. Я готов понести наказание за свои действия.

– Наказание? – переспросила Персефона, чувствуя себя беззащитной, стоя в дневном свете рядом с клубом. Аид неохотно перевел взгляд с богини на огра.

– Я поднял руку на богиню, – сказал монстр.

– И женщину, раз уж на то пошло, – безрадостно добавил Аид. – Я разберусь с тобой позже. Прошу, леди Персефона. – Он отступил, пропуская ее в «Неночь».

Она шагнула в темноту, и дверь позади нее закрылась. Воздух был тяжелым, заряженным напряжением, которое она чувствовала у себя внутри, и насыщенным запахом Аида. Ей хотелось сделать вдох и наполнить им свои легкие. Вместо этого она задержала дыхание.

Он заговорил прямо у ее уха, и она ощутила на своей коже легчайшее касание его губ.

– А вы полны сюрпризов, дорогая.

Персефона сделала резкий вдох и развернулась к нему лицом, но Аида рядом с ней уже не было. Он открыл дверь и ждал, когда она войдет в клуб.

– После вас, богиня, – сказал он. Это слово прозвучало без насмешки, но в его голосе сквозило любопытство.

Девушка прошла мимо бога и ступила на балкон, выходящий на пустой главный зал. Там царил идеальная чистота, полы отполированы, столики натерты до блеска. Казалось невозможным представить, что еще вчера вечером это место было забито людьми.

Она повернулась и увидела ждущего ее Аида. Когда они встретились глазами, он пошел по ступенькам вниз, и она последовала за ним.

Он пересек зал и направился к винтовой лестнице, ведущей на второй этаж. Персефона остановилась в нерешительности.

– Куда мы идем? – спросила она.

Он повернулся к ней:

– В мой офис. Я подумал, то, что вы хотите мне сказать, требует приватности.

Она открыла и закрыла рот, окинув взглядом пустой клуб.

– Кажется, здесь достаточно приватности.

– Нет, – ответил Аид и двинулся вверх по ступенькам, ничего больше не говоря. Она пошла следом.

Когда они поднялись, он свернул направо – в противоположную сторону от того зала, где она побывала прошлым вечером, – к черной стене, искусно украшенной золотом. Персефона не могла поверить, что не заметила ее прежде. Золотой рельеф на двух больших дверях изображал лозы и цветы, обвивающие двузубец Аида. Остальные части стены были расписаны золотым цветочным узором.

Ей, наверное, не следовало так удивляться, что бог мертвых предпочитал украшать интерьер цветами – в конце концов, его символом был нарцисс.

Взгляд Персефоны был прикован к Аиду, когда тот открыл одну из золоченых дверей. Она не горела желанием оставаться с ним наедине в замкнутом пространстве. Она не доверяла своим мыслям и своему телу.

На этот раз бог позвал ее:

– Вы будете колебаться на каждом шагу, леди Персефона?

Она бросила на него недовольный взгляд:

– Мне просто очень понравился ваш декор, лорд Аид. Я не заметила его прошлым вечером.

– Двери в мои покои всегда скрыты в рабочие часы клуба, – ответил он и указал на открытую дверь: – Так мы идем?

Богиня собрала всю свою храбрость и двинулась вперед. Он оставил ей не так много свободного пространства, так что, входя в комнату, она задела его.

Оказавшись в офисе Аида, Персефона обратила внимание на окна, выходящие на основной зал клуба. Окон, смотрящих на улицу, здесь не было, но комната была залита теплым светом и казалась странно уютной, несмотря на черный мраморный пол. Может, это было как-то связано с камином у стены. Диван и два кресла создавали удобный уголок для отдыха, эстетике комфорта способствовал меховой ковер на полу. В дальнем конце комнаты, словно трон, возвышалась огромная обсидиановая плита, служившая Аиду столом. На нем не было ни бумаг, ни фотографий. Ей стало интересно, пользовался ли им вообще Аид или же он стоял тут для красоты.

Прямо перед ней оказался столик, а на нем – ваза с кроваво-красными цветами. Богиня закатила глаза при виде этого букета.

Аид закрыл дверь, и Персефона напряглась. Становилось опасно. Ей нужно было настоять на разговоре внизу, где было больше пространства, где она способна была мыслить более разумно и дышать, не втягивая в себя его запах. Он медленно подошел к ней, и ее тело вытянулось в струну.

Аид остановился. Он внимательно всматривался в ее лицо, на долю секунды задержавшись на ее губах, прежде чем спуститься к шее. Когда он протянул руку, чтобы коснуться ее, ладонь Персефоны сомкнулась у него на запястье. Она не столько боялась его, сколько собственной реакции на его прикосновение.

Их взгляды встретились.

– Он вам ничего не повредил? – спросил Аид.

– Нет, – ответила она, и он кивнул, осторожно высвободив руку из ее хватки. Он пересек комнату – как предположила Персефона, чтобы обеспечить дистанцию между ними.

Потом она вспомнила, что все еще стоит перед ним в своем истинном облике, и начала поднимать чары.

– О, немного поздновато для скромности, вам не кажется? – Аид пронзил ее взглядом темных глаз.

Он развязал галстук, и богиня наблюдала, как тот соскальзывает с его шеи, прежде чем взглянуть ему в глаза. Он не усмехался, как она ожидала. Выражение его лица было... диким. Как у голодного животного, наконец загнавшего свою жертву в ловушку.

Она слотнула.

– Я вам помешала?

Она не была уверена, что хочет услышать ответ.

Уголок его рта приподнялся.

– Я собирался лечь в постель, когда услышал, как вы требуете впустить вас в мой клуб.

В постель? Но ведь уже полдень.

– Представьте себе мое удивление, когда я обнаружил у своих дверей богиню, с которой познакомился прошлым вечером.

– Это горгона вам сказала?

Она шагнула вперед, свирепо взирая на него. Губы Аида изогнулись в улыбке.

– Нет, Эвриала мне ничего не говорила. Я узнал магию Деметры, но вы не были Деметрой. – Он снова склонил голову набок. – Когда вы ушли, я сверился с несколькими текстами. Я и забыл, что у Деметры есть дочь. Я предположил, что вы Персефона. Вопрос в том, почему вы не пользуетесь своей магией?

– И поэтому вы сделали это? – резко спросила она, снимая браслет, которым закрыла метку на своей коже, и поднимая руку.

Аид ухмыльнулся.

На самом деле ухмыльнулся.

Персефоне хотелось накинуться на него. Она сжала руки по бокам, чтобы не броситься к нему через всю комнату.

– Нет, – сказал он. – Это результат того, что вы мне проиграли.

– Вы лишь *учили* меня играть, – возразила она.

– Это формальности. – Аид пожал плечами. – Правила «Неночи» более чем прозрачны, богиня.

– Они какие угодно, только не прозрачные, а вы мерзавец!

У Аида потемнели глаза. Видимо, обзывательства нравились ему не больше, чем ограм. Он оттолкнулся от стола и зашагал прямо к ней. Персефона на шаг отступила.

– Будьте пожебливей, Персефона, – сказал он и протянул руку к ее запястью. Он обвел пальцем браслет, заставив ее задрожать. – Пригласив меня за свой стол, вы вступили в соглашение. Если бы вы выиграли, то смогли бы покинуть «Неночь» без каких-либо последствий. Но вы не выиграли, так что у нас с вами контракт.

Она слотнула, перебирая в памяти все те ужасные вещи, что слышала о контрактах Аида и невыполнимых условиях. Какую тьму он вытащит из глубины ее души?

– И что это значит? – Ее голос звучал по-прежнему резко.

– Это значит, что я должен озвучить условия.

– Я не хочу заключать с вами контракт, – процедила она сквозь зубы. – Снимите метку!

– Я не могу.

– Вы ее на мне оставили, значит, можете и снять.

Его губы изогнулись.

– Вы считаете, это смешно?

– Ох, дорогая, вы даже не представляете...

Слово «дорогая» скользнуло по ее коже, и девушка вновь поежилась. Он, кажется, это заметил, потому что улыбнулся еще чуточку шире.

– Я богиня, – попробовала она снова. – Мы равны.

– Вы думаете, кровь меняет тот факт, что вы добровольно заключили со мной контракт? Такие вещи – закон, Персефона. – Она злобно взглянула на него. – Метка исчезнет, когда контракт будет выполнен. – Он произнес это так, словно от этого ей должно было стать легче.

– И каковы ваши условия? – То, что она спросила, еще не значило, что она согласится.

Аид стиснул челюсти. Он словно пытался себя обуздать – может, он не привык, чтобы ему приказывали. Когда он поднял голову и посмотрел на нее, Персефона поняла, что у нее серьезные проблемы.

– Создать жизнь в подземном царстве, – наконец произнес он.

– Что? – К этому она была не готова, хотя следовало бы. Разве отсутствие магических сил не было ее главной слабостью? Какая ирония, с учетом ее божественного происхождения.

– Создать жизнь в подземном царстве, – повторил он. – У вас есть шесть месяцев. Если вы не сможете или откажетесь, то навсегда станете обительницей моего мира.

– Вы хотите, чтобы я вырастила сад в подземном царстве? – переспросила она.

Аид снова пожал плечами.

– Полагаю, это один из способов создать жизнь.

Она вперила в него яростный взгляд.

– Если вы украдете меня, вам придется познать гнев моей матери.

– О, не сомневаюсь, – протянул он. – Как и вам придется прочувствовать ее гнев, когда она узнает, как вы были легкомысленны.

У Персефоны вспыхнули щеки. Он прав. Разница между ними состояла в том, что Аида эта угроза ни капли не беспокоила. Да и с чего бы ему беспокоиться? Он же был одним из Троицы – самых могущественных богов из существующих. Угроза от Деметры была для него не существеннее брошенного камушка.

Она выпрямилась, подняла подбородок и встретила с ним взглядом.

– Отлично. – Рука Аида давила ей на запястье, как кандалы, и она рывком высвободила ее. – Когда я могу начать?

Глаза Аида блеснули.

– Приходите завтра. Я покажу вам дорогу в подземное царство.

– Я приду после занятий, – сказала Персефона.

– Занятий?

– Я студентка Университета Новых Афин.

Аид взглянул на нее с любопытством и кивнул:

– Тогда после... *занятий*.

Несколько секунд они просто смотрели друг на друга. И хотя прямо сейчас Персефона его ненавидела, она не могла отрицать, что ей нравится его рассматривать.

– Как насчет вашего вышибалы?

– А что с ним?

– Я бы предпочла, чтобы он не помнил меня в этом облике. – Она подняла руку к рогам, а потом наложила на себя чары. Облик смертной позволил ей немного расслабиться.

Аид наблюдал за трансформацией, словно изучая древнюю скульптуру.

– Я сотру его память... После того как он будет наказан за то, как обошелся с вами.

Персефона поежилась.

– Он не знал, что я богиня.

– Но он знал, что вы женщина, и позволил гневу взять верх. Так что он будет наказан, – сухо произнес Аид, и она поняла, что спорить бессмысленно.

– Чего мне это будет стоить? – уточнила девушка, потому что уже знала, с кем имеет дело, – а она только что попросила бога мертвых об услуге.

Его губы изогнулись.

– Умно, дорогая. Вы знаете, как это работает. Наказание? Ничего. Его память? Услугу.

– Не называйте меня «дорогая», – огрызнулась она. – Услугу какого рода?

– Любую, какую я захочу, – пожал плечами он. – Которая понадобится мне в будущем.

Богиня секунду обдумывала его слова. Чего Аид хочет от нее? Что она вообще могла ему предложить? Возможно, именно эта мысль заставила ее согласиться, а может, это был страх, что мать узнает о ее появлении в истинном облике. Как бы то ни было, она сказала:

– Договорились.

Аид улыбнулся:

– Мой водитель отвезет вас домой.

– В этом нет необходимости.

– Есть.

Персефона сжала губы и процедила:

– Ладно.

По правде говоря, ей совершенно не хотелось снова ехать на автобусе, но от мысли, что Аид будет знать, где она живет, девушке стало не по себе.

Внезапно бог схватил ее за плечи, наклонился вперед и прижался губами к ее лбу. Движение было настолько неожиданным, что она потеряла равновесие. Богиня вцепилась пальцами в его рубашку, чтобы удержаться на ногах, и ее ногти оцарапали кожу у него на груди. Его тело было твердым и теплым, а губы, коснувшиеся ее кожи, – мягкими. Когда он отстранился, она была настолько растеряна, что даже не успела разозлиться.

– А это еще зачем? – спросила она почти шепотом.

Аид взглянул на Персефону с раздражающей улыбкой, словно знал, что она неспособна сейчас мыслить трезво, и провел пальцем по ее пылающей щеке.

– Ради вашего же блага. В следующий раз дверь сама откроется перед вами. Я не хотел бы, чтобы вы снова вывели Дункана из себя. Если он снова причинит вам вред, мне придется убить его, а найти хорошего огра не так-то просто.

Персефона могла себе это только представлять.

– Лорд Аид, вас ищет Танатос... о...

Через дверь, спрятанную позади его стола, в офис вошла женщина. Она была красива, ее рыжие, словно пламя, волосы разделял центральный пробор. У нее были колючий взгляд, изогнутые брови и пухлые, сочные, малиновые губы. Все ее черты были резкими и отточенными. Это была нимфа, и когда она взглянула на Персефону, в ее глазах отразилась ненависть.

Только в это мгновение Персефона осознала, что все еще стоит рядом с Аидом, вцепившись в его рубашку. Но когда она попыталась отстраниться, его руки сжали ее еще крепче.

– Я не знала, что вы не один, – сухо добавила женщина.

Аид даже не взглянул на нее. Вместо этого он продолжал смотреть на Персефону.

– Дай мне минуту, Минфа.

Первой мыслью Персефоны было: «О, так это и есть Минфа». Она была прекрасна в той манере, в какой Персефона не была – ее внешность обещала соблазн и грех, – и тяготилась собственной ревностью.

Второй мыслью было: для чего ему нужна была еще минута? Что еще он собирался сказать?

Персефона не видела, как Минфа ушла, потому что не могла оторвать взгляда от Аида.

– Вы не ответили на мой вопрос, – сказал Аид. – Почему вы пользуетесь магией вашей матери?

Пришла ее очередь улыбнуться.

– Лорд Аид, – сказала богиня, проводя пальцем по его груди. Она не знала, что заставило ее это сделать, но в ней откуда-то возникла храбрость. – Вы сможете получить от меня ответы только в одном случае – если я решу снова сыграть с вами в карты. А в данный момент это маловероятно.

Персефона подняла руку и расправила лацкан его пиджака. Ее взгляд упал на цветок полиантеса у него в петлице. Она посмотрела на него и прошептала:

– Я думаю, вы об этом еще пожалеете, Аид.

Под взглядом Аида она дотронулась до цветка. Когда ее пальцы коснулись лепестков, цветок увял.

Глава V. Вторжение

Водитель Аида оказался циклопом.

Она постаралась скрыть удивление, когда увидела существо, стоящее перед черным «Лексусом» рядом со входом в «Неночь». Оно было совсем не таким, какими циклопов описывали в истории. Там это были звероподобные твари – огромные, с горой твердых, как камни, мышц и клыками. Этот же мужчина был выше Аида, с длинными ногами, широкими плечами и стройным телосложением. Его глаз был полуприкрыт, и при виде Персефоны он улыбнулся.

Аид настоял на том, чтобы проводить Персефону до выхода. Она не горела желанием появляться рядом с богом на публике, хотя и не была уверена, что эта мысль приходила в голову Аиду. Его наверняка больше волновало то, как побыстрее выставить ее за пределы своих владений, чтобы отдохнуть... или от чего она там его отвлекла.

– Леди Персефона, это Антоний, – представил циклопа Аид. – Он позаботится о том, чтобы вы добрались домой в целости и сохранности.

Персефона приподняла бровь, глядя на бога подземного царства:

– А я что, в опасности, милорд?

– Это просто предосторожность. Я не хочу, чтобы ваша мать принялась колотить в мою дверь раньше, чем у нее появится на то причина.

«У нее уже есть на то причина», – промелькнула в голове богини гневная мысль, и метка на запястье запульсировала, рассылая волну ощущений по всему телу. Она посмотрела ему в глаза, намереваясь пронзить злобным взглядом и выразить всю свою ярость, но внезапно потеряла способность думать. Глаза бога подземного царства были подобны вселенной – яркие, полные жизни, бездонные. Она потерялась в них и во всем том, что они обещали.

Она была благодарна Антонию за то, что тот отвлек ее от опасных мыслей. Не было ничего хорошего в том, чтобы считать Аида интересным. Разве она в этом еще не убедилась?

– Миледи, – сказал Антоний, открыв заднюю дверь машины.

– Милорд. – Она кивнула Аиду и скользнула в салон из черной кожи.

Антоний аккуратно закрыл дверь и занял водительское сиденье. Машина сразу же тронулась с места, и Персефоне пришлось приложить все усилия, чтобы не оглянуться. Ей было интересно, как долго Аид стоял там, прежде чем вернуться в свою башню, – насмехался ли он над ее дерзостью и ее неудачей.

Она взглянула на яркий браслет, прикрывавший черную метку. В этом свете золото выглядело дешевой медью. Она сняла его и проверила отметины на коже. Единственное, за что она сейчас могла сказать «спасибо», – это за то, что метка была достаточно маленькой и находилась там, где ее легко было скрыть.

«Создать жизнь в подземном царстве».

Разве в подземном царстве вообще была жизнь? Персефона ничего не знала о владениях Аида и, сколько бы ни искала, никогда не встречала описаний земли мертвых – лишь географические детали, да и те как будто только противоречили друг другу. Она думала, что выяснит все завтра, хотя сама мысль о возвращении в «Неночь» и спуске в подземное царство наполняла ее беспокойством.

Она застонала.

Надо же было этому случиться именно тогда, когда все складывалось для нее так удачно!

– Вы собираетесь снова приехать к лорду Аиду? – спросил Антоний, глядя в зеркало заднего вида. У циклопа был приятный голос, теплый и будто пряный.

– Боюсь, что да, – произнесла Персефона отсутствующим голосом.

– Я надеюсь, что он вам понравится. Наш лорд часто проводит время в одиночестве.

Персефоне эти слова показались странными, особенно при воспоминаниях о ревливой Минфе.

– Мне он не показался таким уж одиноким.

– В таком положении находятся все божества, но я боюсь, что он мало кому доверяет. Если бы меня спросили, я бы сказал, что ему нужна жена.

Персефона покраснела.

– Я уверена, что лорда Аида не интересует возможность остепениться.

Персефона даже знать не хотела, что интересует Аида. Ей и так казалось, что она знает слишком много, и ничто из этого нельзя было назвать хорошим.

Персефона посмотрела на циклопа со своего заднего сиденья:

– Как давно вы служите Аиду?

– Троица освободила мой народ из Тартара после того, как нас заключил там Кронос, – ответил он. – Так что мы возвращаем им долг за эту услугу, время от времени работая на Зевса, Посейдона и Аида.

– В качестве водителей? – Девушка не хотела, чтобы это прозвучало так грубо, но эта работа казалась ей слишком лакейской.

Антоний рассмеялся.

– Да, но наш народ еще и отличные строители и кузнецы. Мы сделали подарки всем трем и не намерены на этом останавливаться.

– Но это же было так давно. Вы уже наверняка оплатили им за услугу? – спросила Персефона.

– Когда бог мертвых дарит вам жизнь, за это невозможно отплатить.

Персефона нахмурилась:

– Я не понимаю.

– Вы никогда не были в Тартаре, так что я не жду, что вы поймете.

Он замолчал, а потом добавил:

– Не поймите меня неправильно. Мое служение Аиду – мой выбор, и из всех богов я рад служить именно ему. Он не такой, как остальные божества.

Персефоне хотелось знать, что это значит, ведь, исходя из того, что ей было известно об Аиде, он был худшим из божеств.

Антоний остановился у ее дома и вышел из машины, чтобы открыть ей дверь.

– О, да не стоит, я и сама могу, – ступевалась она.

Он улыбнулся:

– Я рад вам помочь, леди Персефона.

Ей захотелось попросить его не называть ее так, но потом до нее вдруг дошло – он озвучивал ее титул, словно знал, что она богиня, хотя на ней были чары.

– Откуда вы...

– Лорд Аид назвал вас леди Персефоновой, – объяснил он. – Так что и я буду вас так называть.

– Пожалуйста... в этом нет никакой необходимости.

Антоний улыбнулся еще шире:

– Думаю, вам следует к этому привыкнуть, леди Персефона, особенно если вы будете часто бывать у нас, а я на это очень надеюсь.

Он закрыл дверь и кивнул ей. Персефона будто в тумане направилась к дому, лишь раз обернувшись посмотреть, как уезжает Антоний. Этот день был долгим и странным – благодаря богу мертвых.

И передышки не планировалось: стоило Персефоне войти в квартиру, как к ней тут же подлетела Лекса.

– И чей это «Лексус» высадил тебя перед нашими стремными апартаментами? – спросила она.

Персефона уже хотела было солгать и сказать, что ее подвез кто-то со стажировки, но она знала, что Лекса не поверит – она должна была вернуться домой два часа назад, и к тому же подруга только что видела, как дверь машины ей открыл шофер.

– Ты мне не поверишь... Но это машина Аида.

Даже признавшись в этом, она была не готова рассказать Лексе об их контракте и метке у себя на запястье.

Лекса выронила кружку, что держала в руках. Персефона вздрогнула, когда та ударилась об пол и разлетелась на куски.

– Ты что, шутишь? – Персефона покачала головой и пошла за веником. Лекса последовала за ней. – В смысле... тот самый Аид? Аид, бог мертвых? Аид, владелец «Неночи»?

– Да, Лекса. Какой еще?

– Но как? – затараторила она. – Почему?

Персефона принялась сметать кусочки керамики.

– Из-за моей работы. – Технически она даже не соврала. Можно было назвать это расследованием.

– И ты познакомилась с Аидом? Видела его во плоти?

Персефона вздрогнула от этого слова, вспомнив, в каком виде появился перед ней Аид.

– Ага. – Она отвернулась от Лексы и схватила совок, пытаясь скрыть яркий румянец, заливающий ее щеки.

– И как он выглядит? Мне нужны подробности!

Персефона протянула Лексе совок, и та подержала его, пока Персефона сметала осколки.

– Я... не знаю, с чего начать.

Лекса улыбнулась.

– Начни с его глаз.

Персефона вздохнула. У нее было ощущение, будто описывать Аида – это нечто совершенно интимное. Где-то глубоко внутри она хотела сохранить его для себя, хоть и знала, что ей придется описать внешность бога в приглушенных тонах – ей только предстояло увидеть его в настоящем облике.

За этой мыслью последовало странное предвкушение, и она поняла, что жаждет увидеть бога в его божественном виде. Черны ли его рога так же, как его глаза и волосы? Изгибаются ли они по бокам от головы, как у барана, или направлены вверх, делая его еще выше?

– Он красивый, – сказала она, хотя это слово не могло воздать ему должное. Дело было не столько в его внешности, сколько в харизме. – И... сильный.

– Кто-то влюбился, – самодовольная ухмылка на лице Лексы напомнила Персефоне о том, что она слишком сосредоточилась на его внешности, вместо того чтобы думать о его поступках.

– Что? Нет. Нет. Аид красив. Я не слепая, но я не могу оправдывать то, что он делает.

– Что ты имеешь в виду?

– Его сделки, Лекс! – Персефона напомнила Лексе о том, что они узнали от Адониса в «Неночи». – Он охотится на отчаявшихся смертных.

Подруга пожала плечами:

– Ну, ты могла бы спросить об этом Аида.

– Мы не друзья, Лекса. – Они никогда не станут друзьями.

Лекса чуть подпрыгнула.

– О! А что, если ты о нем напишешь? Ты могла бы провести расследование о его сделках со смертными! Как скандально!

Это и правда было скандально – не только из-за содержания, но из-за того, что это была бы статья о боге, а на такое мало кто отваживался, опасаясь возмездия.

Но Персефону возмездие не страшило. Ей было все равно, что Аид бог.

– Кажется, у тебя появился повод снова встретиться с Аидом, – пошутила Лекса, и Персефона улыбнулась.

Аид предоставил ей легкий доступ. Коснувшись губами ее лба, он сказал, что это ради ее же блага. Ей больше не придется стучаться, чтобы войти в «Неночь».

Бог подземного царства определенно пожалеет о том, что познакомился с богиней весны, – и она с нетерпением будет ждать этого момента. Она тоже была божеством. И хотя у Персефоны не было магических сил, она могла писать и, возможно, благодаря этому была идеальным кандидатом на роль его разоблачителя. В конце концов, если с ней что-нибудь случится, Аид познает гнев Деметры.

* * *

По пути в Университет Новых Афин Персефона заглянула в магазин, чтобы купить несколько браслетов. Раз уж ей придется носить метку Аида, пока она не выполнит контракт, девушка решила дополнить гардероб соответствующими аксессуарами. Сегодня на ней был широкий жемчужный браслет – классическое дополнение к ярко-розовой юбке и белой рубашке.

Ее каблук стучали по тротуару, она свернула за угол, и впереди показался университет. Каждый шаг отмерял уходящее время, которое на час, на минуту, на секунду приближало ее к возвращению в «Неночь».

Сегодня Аид должен отвести ее в подземное царство. Персефона не спала всю ночь, размышляя над тем, как ей выполнить свой контракт. Она спросила, хочет ли он, чтобы она посадила там сад, и он пожал плечами: «Это один из способов».

Что это значило и какие еще способы создать жизнь у нее были? Разве не поэтому он выбрал такое испытание – потому что у нее не было магических сил, чтобы выполнить это задание?

Она сомневалась, что причиной тому были мечты лорда Аида о прекрасных садах в его пустынных владениях. В конце концов, его интересовало наказание, и, судя по тому, что она слышала о нем и чему сама была свидетелем, он не собирался делать из подземного царства место умиротворения и прекрасных цветов.

Несмотря на то, как она злилась на себя и Аида, ее одолевали противоречивые чувства. Она одновременно была заинтригована и нервничала из-за предстоящего спуска во владения бога.

Хотя по большей части ей было страшно.

Что, если у нее ничего не получится?

«Нет». – Персефона закрыла глаза, отгоняя эту мысль. Она не может проиграть. И не проиграет. Сегодня вечером она увидит подземное царство и составит план. Если ей не удастся добиться от земли цветов с помощью магии, это еще не значит, что она не может использовать другие методы. Методы смертных. Ей просто нужно быть аккуратной. Ей понадобятся перчатки – иначе она будет убивать каждое растение, которого коснется, – и пока сад будет прорастать, она поищет другие варианты, как выполнить контракт.

Или разорвать его.

Богиня мало что знала об Аиде – только то, во что верили смертные и ее мать. Он вел уединенную жизнь, не любил вторжения, не привечал средства массовой информации.

Ему определенно не понравится то, что она задумала, и ей на ум пришла внезапная мысль: «А что, если мне удастся настолько достать Аида, что он расторгнет наш контракт?»

Персефона миновала вход в университет – ряд из шести колонн, увенчанных остроко-
нечным камнем, – и вошла в университетский дворик. Перед ней возвышалась Библиотека
Артемиды – здание в виде пантеона, которое она с таким удовольствием исследовала на первом
курсе. Ориентироваться в кампусе было легко – он был выложен в виде семиконечной звезды,
и одним из лучей как раз была библиотека.

Персефона всегда срезала дорогу, проходя через Сад богов – акр земли, засаженной
любимыми цветами олимпийцев и заставленной мраморными статуями. И хотя Персефона
ходила на занятия по этой дорожке уже много раз, сегодня все было как будто иначе. Сад
казался порабителем, цветы – врагами, и их запахи смешивались в воздухе – густой аромат
жимолости сливался со сладким благоуханием роз, раздражая органы чувств.

Ожидал ли Аид, что она вырастит нечто столь же грандиозное? Неужели он действи-
тельно упрячет ее в подземный мир на всю жизнь, если ей не удастся выполнить его требова-
ние за шесть месяцев?

Она знала ответ. Аид был суровым богом. Он верил в правила и границы и установил их
вчера, не побоявшись гнева ее матери.

Персефона прошла мимо пруда Посейдона и возвышающейся над ним статуи полностью
обнаженного Ареса со шлемом на макушке и со щитом в руке. Это была не единственная статуя
голого бога в этом саду, и обычно она не придавала этому особого значения, но сегодня ее
взгляд привлекли огромные рога на голове Ареса. Она ощущала тяжесть собственных даже
под завесой наложенных чар. Когда она переехала в Новые Афины, до нее дошел слух, что
именно рога являются источником божественных сил.

Персефоне так хотелось, чтобы это было правдой! Сейчас дело было даже не в магиче-
ских силах. А в свободе.

– Это значит лишь, что мойры уготовили тебе другой путь, мой цветок, – сказала
Деметра, когда магия Персефоны так и не проявилась.

– Какой путь? – спросила Персефона. – Нет никакого пути, только стены твоей стеклян-
ной тюрьмы! Ты прячешь меня, потому что стыдишься?

– Я берегу тебя, потому что у тебя нет силы, мой цветок. Есть разница.

Персефона по-прежнему не знала, какой путь уготовили ей мойры, но знала, что может
остаться в безопасности, не находясь в заключении, и предполагала, что в какой-то момент
Деметра с этим согласилась, ведь она отпустила Персефону – пусть даже и оставив на длинном
поводке.

Богиня напряглась, уловив магию матери – горький и цветочный аромат. Деметра была
где-то близко.

– Мама, – произнесла Персефона, когда рядом появилась Деметра.

На ней были чары – она носила их не так уж и часто. Дело было не в том, что Деметра не
любила смертных – она невероятно заботилась о тех, кто ее почитал, – просто она осознавала
свой статус богини. Смертная маска Деметры не особо отличалась от ее божественного облика.
У нее были те же гладкие волосы, те же ярко-зеленые глаза, та же сияющая кожа, однако рога
были скрыты. Она выбрала обтягивающее изумрудное платье и золотые туфли на каблук. Для
случайных прохожих она была воплощением успешной бизнес-леди.

– Что ты здесь делаешь? – спросила Персефона.

– Где ты была вчера? – холодно спросила Деметра.

– Звучит так, будто ты уже знаешь ответ, так почему бы тебе не сказать мне?

– Не отвечай сарказмом, дорогая. Это очень серьезно – зачем ты ходила в «Неночь»?

Персефона попыталась успокоить свое бешено колотящееся сердце. Ее видела нимфа?

– Откуда ты знаешь, что я была в «Неночи»?

– Не важно, откуда я знаю. Я задала тебе вопрос.

– Я ходила туда по работе, мама. И я должна вернуться туда сегодня.

– Это невозможно, – возмутилась Деметра. – Мне что, нужно напомнить тебе одно из условий твоего пребывания здесь: то, что ты должна держаться подальше от богов? *Особенно* от Аида.

Она произнесла его имя, как проклятие, и Персефона вздрогнула.

– Мама, я обязана это делать. Это моя работа.

– Тогда ты уволишься.

– Нет.

У Деметры округлились глаза, она открыла рот от удивления. Персефона была уверена, что за все ее двадцать четыре года она ни разу не сказала матери «нет».

– Что ты сказала?

– Мне нравится моя жизнь, мама. Я вложила столько сил, чтобы оказаться там, где я сейчас.

– Персефона, но тебе нет нужды жить жизнью смертных. Она... меняет тебя.

– И хорошо. Именно этого я и хочу. Я хочу быть собой, что бы это ни значило, и тебе придется с этим смириться.

Лицо Деметры превратилось в холодную каменную маску, и Персефона поняла, о чем та думает: «Я не собираюсь мириться с тем, с чем не хочу».

– Я приняла во внимание твои предостережения насчет богов, особенно Аида, – добавила Персефона. – Чего ты боишься? Что я позволю ему меня соблазнить? Ты должна больше верить в меня.

Деметра побледнела и прошипела:

– Это серьезно, Персефона.

– И я отношусь к этому серьезно, мама. – Она посмотрела на часы: – Мне пора идти. Я опаздываю на занятия.

Персефона обошла Деметру и покинула сад. Она чувствовала, как мать взглядом прожигает ей спину.

Она пожалеет о том, что постояла за себя, – девушка была в этом уверена. Вопрос только в том, какое наказание выберет богиня плодородия?

* * *

Занятия прошли в потоке торопливых записей и гудящих лекций. Обычно Персефона слушала внимательно, но сейчас в голове было слишком много мыслей. Разговор с матерью терзал ее изнутри.

Хотя Персефона гордилась тем, что постояла за себя, она знала, что Деметра могла вернуть ее в стеклянную оранжерею одним щелчком пальцев. Богиня также размышляла о разговоре с Лексой и о том, как начать расследование. Девушка знала, что ей непременно нужно взять интервью, но не горела желанием снова оказаться наедине с Аидом в замкнутом пространстве.

Во время ланча она по-прежнему чувствовала себя не в своей тарелке, и Лекса это заметила.

– Что-то не так?

Персефона колебалась, не зная, стоит ли рассказывать подруге, что мать за ней шпионит. Решившись, она произнесла:

– Я выяснила, что мама за мной следит. Она... в общем, она узнала про «Неночь».

Лекса закатила глаза:

– Она что, до сих пор не поняла, что ты уже взрослая?

– Не думаю, что она когда-либо считала меня взрослой. – И Персефона не думала, что этому вообще суждено случиться, учитывая, что мать до сих пор называла ее Корой.

– Не позволяй ей стыдить тебя за то, что ты развлекалась, Персефона. И уж точно не позволяй запрещать тебе делать то, что ты хочешь.

Но сделать сложнее, чем сказать. Покорность позволяла ей остаться в мире смертных, а именно этого хотела Персефона, даже если это было не так уж и весело.

После ланча Лекса направилась с Персефой в Акрополь. Она заявила, что хочет посмотреть, где та работает, но Персефона подозревала, что та хочет взглянуть на Адониса – и ей это удалось, потому что он возник перед девушками, стоило им только миновать приемную.

– Привет, – улыбнулся Адонис. – Лекса же, да? Рад снова тебя видеть.

Боги. Персефона не могла винить Лексу за то, что та попала под его чары. Этот парень был весьма обаятельным и к тому же невероятно красивым.

Лекса улыбнулась.

– Я не поверила своим ушам, когда Персефона сказала мне, что работает с тобой. Вот так совпадение.

Мужчина посмотрел на Персефону.

– Это определенно был приятный сюрприз. Как там говорится, мир тесен, да?

– Адонис, можно тебя на секунду? – позвал его Деметрий, выйдя из своего кабинета.

– Иду! – Адонис обернулся к Лексе: – Рад был нашей встрече. Давайте как-нибудь вместе куда-нибудь ходим?

– Ловим тебя на слове! – улыбнулась она.

– Очень на это надеюсь.

Адонис поспешил к Деметрию, а Лекса взглянула на Персефону:

– Скажи, он так же прекрасен, как Аид?

Персефона не собиралась над ней насмеяться, но Адонис Аиду и в подметки не годился. Она также не хотела, чтобы ее ответ прозвучал резко, но именно так и получилось.

– Нет.

Лекса приподняла бровь и улыбнулась, а потом наклонилась и чмокнула Персефону в щеку.

– До вечера. О, и договорись с Адонисом. Он прав – нам надо куда-нибудь вместе выбраться.

Когда Лекса ушла, Персефона разложила свои вещи на столе и отправилась за кофе. После ланча она чувствовала себя уставшей, а для того, что она собиралась делать, потребуется вся ее энергия.

Когда она вернулась к своему столу, Адонис как раз вышел из кабинета Деметрия.

– Ну, так насчет этих выходных...

– Этих выходных? – переспросила девушка.

– Я подумал, мы могли бы сходить на Отборочные испытания, – пожал плечами он. – В смысле, с Лексой. Я позову Аро, Ксеркса и Сивиллу.

Отборочные испытания были серией соревнований, участники которых собирались выступить на предстоящем Пентатлоне. Персефона никогда на них прежде не была, но смотрела и читала посвященные им репортажи.

– О... ну, по правде говоря, прежде чем мы это обсудим, я надеюсь, ты мне кое с чем поможешь.

Лицо Адониса просветлело:

– Конечно, с чем именно?

– Здесь кто-нибудь раньше писал о боге мертвых и его сделках?

Адонис рассмеялся, а потом вдруг умолк.

– О, так ты серьезно?

– Более чем.

– В смысле, это довольно сложно.

– Почему?

– Потому что нельзя сказать, что Аид принуждает людей играть с ним. Они идут на это добровольно, а потом имеют дело с последствиями.

– Это не значит, что последствия правильные или хотя бы честные, – возразила Персефона.

– Нет, но никто не хочет оказаться в Тартаре, Персефона.

Это несколько противоречило тому, о чем Деметрий говорил ей в ее первый день – что «Новости Новых Афин» всегда ищут правду. Она была немного разочарована, и Адонис, должно быть, это заметил.

– Слушай, если ты это серьезно, я могу отправить тебе то, что у меня на него есть.

– Правда?

– Конечно, – улыбнулся он. – Но при одном условии: ты дашь мне прочитать статью, которую напишешь.

Она не видела проблемы в том, чтобы отправить свою статью Адонису, и была бы даже рада получить отзыв.

– Договорились.

Адонис кивнул. И спустя несколько минут после того, как он вернулся к себе за стол, она получила электронное письмо с заметками и аудиозаписями, в которых описывались сделки, заключенные богом с несколькими смертными. Не все из тех, кто написал текст или записал голосовые сообщения, были жертвами Аида. Некоторые из них были родственниками тех, чьи жизни преждевременно прервались из-за проигранных пари.

В общей сложности она насчитала семьдесят семь разных случаев. Пока она читала и слушала, в интервью выделилась общая нить: все смертные, что пришли к Аиду за помощью, отчаянно в чем-то нуждались – деньгах, здоровье или любви. Аид соглашался подарить смертным то, о чем они просили, если они одолеют его в игре, которую он выберет.

Но если они проигрывали, то оказывались в его власти. И Аиду, казалось, доставляло удовольствие предлагать им невыполнимые условия.

Спустя час Адонис зашел ее проведать.

– Ну, нашла что-нибудь полезное?

– Я хочу взять у Аида интервью, – решила она. – Сегодня, если получится.

Ее снедало нетерпение – чем раньше выйдет эта статья, тем лучше.

Адонис побледнел.

– Ты хочешь... что?

– Я хочу дать Аиду шанс изложить свою версию происходящего, – объяснила она. Все, что было у Адониса, рассказывалось со стороны смертных, и ей было любопытно, как смотрел на все эти сделки смертных и их грехи сам бог. – В смысле, перед тем как я напишу статью.

Адонис пару раз моргнул и только потом наконец смог подобрать слова:

– Это так не работает, Персефона. Ты не можешь просто прийти туда, где бог ведет свой бизнес, и потребовать аудиенции. Есть же... есть правила.

Она приподняла бровь и скрестила руки на груди:

– Правила?

– Да, правила. Мы должны направить запрос его пиар-менеджеру.

– И этот запрос будет отклонен, я правильно понимаю?

Адонис отвел взгляд, переминаясь с ноги на ногу, словно от вопроса Персефоны ему стало неловко.

– Слушай, если мы пойдем туда, по крайней мере, мы сможем сказать, что попытались получить его комментарии, но он нам отказал. Я не могу написать эту статью, даже не попытавшись, и я не хочу ждать.

«Только не тогда, когда у меня есть возможность свободно войти в “Неночь”», – подумала она. Аид пожалеет о том, что поцеловал ее, когда увидит, как она решила использовать это ради своего блага.

Спустя мгновение Адонис вздохнул:

– Ладно. Я сообщу Деметрию, что мы уходим.

Персефона остановила его:

– Ты ведь не... рассказал Деметрию обо всем этом?

– Не о том, что ты хочешь написать эту статью.

– Можно мы оставим это в тайне? Пока.

Адонис улыбнулся:

– Да, конечно. Все, что пожелаешь, Персефона.

* * *

Адонис припарковался на обочине перед входом в «Неночь», и его красный «Лексус» ярко выделялся на фоне черной обсидиановой башни Аида. Хотя Персефона была твердо намерена получить ответы на свои вопросы, ее на миг посетило сомнение. Не слишком ли она расхрабрилась, решив вот так воспользоваться тем, что дал ей Аид?

Адонис встал рядом с ней.

– В дневном свете она кажется другой, правда?

– Ага, – рассеянно ответила девушка. Башня действительно выглядела иначе – суровее. Неровный разрез на теле сверкающего города.

Адонис дернул дверь, но та была заперта, так что он постучался и, не дожидаясь ответа, отступил:

– Похоже, никого нет.

Ему явно было некомфортно находиться здесь, и Персефона задалась вопросом: почему он так боялся предстать перед богом, несмотря на то что часто приходил в его клуб по вечерам?

Адонис отвернулся от двери, и Персефона дернула ее сама – та сразу открылась.

– Да! – шепнула она себе под нос.

Адонис озадаченно оглянулся на нее:

– Как ты... Она же была заперта!

Девушка пожала плечами:

– Может, ты просто потянул недостаточно сильно. Идем.

Шагнув в «Неночь», она услышала, как Адонис произнес:

– Готов поклясться, она была заперта.

Персефона спустилась по лестнице и оказалась в уже знакомом клубе. Ее каблук стучали по блестящему черному полу, и она всмотрелась во мрак высокого потолка, зная, что этот зал видно из офиса Аида.

– Ау? Есть кто дома? – позвал Адонис.

Персефона поморщилась и едва сдержалась, чтобы не попросить Адониса помолчать. У нее мелькнула мысль подняться в офис к Аиду и застать его врасплох, но она не была уверена, что это хорошая идея. Богиня помнила, в каком виде он открыл ей дверь накануне.

По крайней мере, если ее появление станет для него неожиданностью, то, возможно, ей удастся узнать правду о том, что происходит между ним и Минфой.

Словно прочитав ее мысли, из темноты зала возникла рыжеволосая нимфа, одетая в обтягивающее черное платье и туфли на шпильке. Она выглядела так же прекрасно, как и в прошлые разы. Богиня весны за свою жизнь успела познакомиться и подружиться со многими нимфами, но ни одна из них не казалась такой холодной, как Минфа. Было ли это результатом ее служения богу подземного царства?..

– Чем могу помочь? – Голос Минфы был манящим и сексуальным, но не скрывал резкости ее тона.

– Привет! – Адонис обошел Персефону, вдруг снова обретя уверенность в себе, и протянул руку. Персефона удивилась и слегка расстроилась, когда Минфа пожала ее и улыбнулась. – Адонис.

– Минфа.

– Вы здесь работаете? – уточнил он.

– Я помощница лорда Аида, – ответила она.

Персефона отвела взгляд и закатила глаза. Слово «помощница» прозвучало слишком многозначительно.

– Правда? – В голосе Адониса прозвучало искреннее удивление. – Но вы так прекрасны!

И Адонис был в этом не виноват. Нимфы всегда производили такой эффект на людей, но Персефона была на задании и начинала терять терпение.

Адонис держал Минфу за руку дольше, чем следовало, – только когда Персефона прокашлялась, он наконец выпустил ее ладонь.

– Эм... а это Персефона. – Он жестом указал на коллегу. Минфа ничего не ответила, даже не кивнула. – Мы из «Новостей Новых Афин».

– Так вы репортеры? – Глаза нимфы сверкнули, и Адонис, по-видимому, принял это за интерес к их деятельности, но Персефона знала, что все совсем наоборот.

– На самом деле мы здесь, чтобы поговорить с Аидом, – сказала богиня. – Он здесь?

Минфа прожгла ее взглядом.

– У вас назначена встреча с *лордом* Аидом?

– Нет.

– Тогда, боюсь, вам не удастся с ним поговорить.

– Ох, что ж, печально, – сказал Адонис. – Мы вернемся, когда назначим встречу. Персефона?

Она проигнорировала Адониса, свирепо взирая на Минфу.

– Сообщите своему лорду, что Персефона здесь и желает с ним поговорить. – Это был приказ, но Минфа лишь невозмутимо улыбнулась, глядя на Адониса.

– Ваша напарница, видимо, новенькая и потому не в курсе, как тут все работает. Видите ли, лорд Аид не дает интервью.

– Конечно. – Адонис обхватил запястье Персефоны. – Идем, Персефона. Я же говорил тебе, что мы должны следовать протоколу.

Персефона опустила взгляд на пальцы Адониса у себя на запястье, после чего посмотрела ему прямо в глаза. Она не может точно сказать, что это был за взгляд, но глаза у нее пылали, а в крови разгоралось пламя гнева.

– *Отпусти. Меня. Сейчас же.*

Широко распахнув глаза, он выпустил ее руку. Она снова повернулась к Минфе.

– Я в курсе, как тут все работает, – сказала Персефона. – Но я требую встречи с Аидом.

– *Требуете?* – Минфа скрестила руки на груди, высоко подняв брови, и зловеще улыбнулась. – Ладно. Я скажу ему, что вы *требуете* встречи с ним, но только потому, что мне доставит огромное удовольствие услышать, как он вам откажет.

Она развернулась на каблуках и скрылась во мраке. Персефона на мгновение задумалась, правда ли та пойдет рассказать все Аиду или же подошлет огра, чтобы тот выставил их вон.

– Откуда Аиду знать твоё имя? – спросил Адонис.

Она ответила, не поднимая взгляда:

– Я познакомилась с ним в тот же вечер, что и с тобой.

Она почти чувствовала, как в воздухе между ними повисли вопросы. Она надеялась лишь, что он их не задаст.

Минфа вернулась со взбешенным видом, и сердце Персефоны наполнилось восторгом – ведь нимфа была уверена, что Аид им откажет.

Она подняла подбородок и натянуто произнесла:

– Следуйте за мной.

Персефона хотела сказать Минфе, что ей не нужны провожатые, но рядом был Адонис, и в нем уже разгоралось любопытство. Богиня не хотела, чтобы он узнал о ее вчерашнем визите сюда, как и об их контракте с богом мертвых.

Персефона бросила быстрый взгляд на Адониса, прежде чем последовать за Минфой по той же витой лестнице, по которой она вчера поднималась за Аидом и которая вела к богато украшенным черно-золотым дверям его офиса. Адонис ответил ей тихим свистом.

Сегодня внимание Персефоны было сосредоточено на золоте, а не на цветах. Она решила, что его выбор в пользу золота был уместным – в конце концов, он ведь был и богом драгоценных металлов.

Минфа не постучала, прежде чем войти в офис Аида, и зашагала вперед, покачивая бедрами. Наверное, она надеялась удержать внимание Аида – но Персефона ощутила на себе его взгляд, как только вошла в комнату. Он следил за ней, словно за добычей, со своего места у окна, и ей стало любопытно, как долго он наблюдал за ними, пока они находились внизу.

Судя по его напряженной позе, довольно долго.

В отличие от своего вчерашнего облика, когда богиня потребовала впустить ее в «Неночь», сегодня Аид выглядел безупречно. Он был элегантным воплощением самой темной пучины, и она могла бы испугаться, если бы так не злилась на него.

Минфа остановилась и кивнула:

– Персефона, милорд.

В ее голосе снова появились томные нотки. Персефона представила, как нимфа пользовалась им, когда хотела подчинить мужчин своей воле. Может, она забыла, что Аид был богом. Минфа отодвинулась, снова повернувшись лицом к Персефоне и встав прямо за богом.

– И... ее друг, Адонис.

При упоминании Адониса Аид наконец оторвал взгляд от Персефоны, словно выпустив ее из-под действия чар. Глаза Аида всмотрелись в ее напарника и потемнели. Он кивнул Минфе:

– Ты свободна, Минфа. Спасибо.

Когда она ушла, Аид наполнил стакан янтарной жидкостью из хрустального графина. Он не попросил их сесть, как не предложил и налить того же, что и себе.

Это был плохой знак. Он намеревался сделать эту встречу очень короткой.

– Чем я обязан этому... *вторжению*? – поинтересовался бог.

На этом слове Персефона прищурила глаза. Ей хотелось задать ему тот же вопрос, потому что именно это он и сделал – вторгся в ее жизнь.

– Лорд Аид, – сказала она и достала из сумочки блокнот – в нем она записала имена каждой жертвы, упомянутой в жалобах, – мы с Адонисом из «Новостей Новых Афин». Мы проводим расследование по нескольким жалобам на вас и пришли узнать, не хотите ли вы их прокомментировать.

Он поднял бокал к губам и сделал глоток, но ничего не ответил. Адонис издал нервный смешок.

– Это Персефона ведет расследование. А я здесь просто... чтобы морально ее поддержать.

Богиня испепелила его взглядом. *Трус*.

– Это список обвинений против меня? – Глаза Аида были темными, без проблеска эмоций. Персефона задумалась, не с этим ли выражением лица он принимал души в своем мире.

Она проигнорировала его вопрос и зачитала несколько имен из списка. Спустя несколько мгновений девушка подняла глаза.

– Вы помните этих людей?

Аид лениво отпил из бокала.

– Я помню каждую душу.

– И каждую сделку?

Он сузил глаза и несколько секунд просто изучал ее.

– Суть, Персефона. Переходи к сути. Прежде у тебя не было с этим проблем, почему сейчас появились?

Она почувствовала, что Адонис смотрит на нее, и бросила рассерженный взгляд на Аида, лицо ее вспыхнуло от ярости. Он произнес это так, словно они знакомы намного дольше, чем два дня.

– Вы подтверждаете, что предлагаете смертным то, чего они желают, если они сыграют с вами и выиграют?

– Не всем смертным и не все, что они желают, – сказал он.

– О, простите меня, вы разборчивы в отношении жизней, которые рушите.

Его лицо ожесточилось.

– Я не разрушаю жизни.

– Вы всего лишь озвучиваете условия своих контрактов только после того, как выигрываете! Это жульничество.

– Условия прозрачны. Детали определяю я. Это не жульничество, как вы это назвали. Это игра.

– Вы бросаете вызов их грехам. Раскрываете их самые темные тайны...

– Я бросаю вызов тому, что разрушает их жизнь. Они выбирают – побороть это или сдаться.

Богиня уставилась на него. Он говорил таким безапелляционным тоном, словно этот разговор звучал уже тысячи раз.

– А откуда вам известны их грехи?

Она так ждала его ответа, но, когда задала вопрос, на лице Аида возникла плутовская улыбка. И одна эта улыбка изменила его, приподняв над богом завесу чар.

– Я смотрю в душу, – ответил он. – Вижу то, что тяготит ее, растлевает, разрушает, – и бросаю этому вызов.

Но что ты видишь, когда смотришь на меня?

Ей была ненавистна сама мысль, что ему были известны ее тайны, а она не знала о нем абсолютно ничего.

И она сорвалась:

– Вы худший из всех богов!

Аид вздрогнул, но быстро справился с собой. В глазах его сверкнул гнев.

– Персефона... – начал Адонис, но его тут же заглушил теплый баритон Аида.

– Я помогаю этим смертным. – Он неспешно шагнул к ней.

– Как? Предлагая невыполнимую сделку? Откажись от своей зависимости или лишись жизни? Это просто смешно, Аид.

– У меня были успехи, – возразил он.

– Да? И что же это были за успехи? Полагаю, для вас это не имеет значения, ведь вы в любом случае выигрываете, верно? Все души рано или поздно попадают к вам.

Его взгляд стал каменным, и он шагнул еще ближе к Персефоне, но путь ему вдруг преградил Адонис. В глазах Аида полыхнул огонь, он едва заметно двинул запястьем, и Адонис, обмякнув, рухнул на пол.

– Что вы сделали? – Персефона хотела наклониться к напарнику, но Аид схватил ее за запястья, удержав на ногах и притянув к себе. Она задержала дыхание, не желая находиться так близко к нему, чувствовать его тепло и вдыхать его запах.

Она ощутила его дыхание на своих губах, когда он заговорил:

– Я полагаю, вы не хотите, чтобы он услышал то, что я скажу вам, – не беспокойтесь, я не потребую от вас платы за то, что сотру его память.

– О, как великодушно с вашей стороны, – усмехнулась она, выгибая шею, чтобы встретиться с ним взглядом. Он склонился над ней, и лишь его руки, обхватившие ее запястья, не давали ей упасть.

– Вы слишком вольно пользуетесь благом, которым я вас одарил, леди Персефона. – Его голос был низким – слишком низким для этого разговора. Это был голос любовника – теплый и страстный.

– Вы не уточняли, как мне пользоваться вашим благом.

Его глаза сузились до щелочек.

– Нет, но я ожидал, что вы будете более осмотрительны, а вы притащили в мои владения *этого* смертного.

Пришла ее очередь прищуриться.

– Вы с ним знакомы?

Аид проигнорировал ее вопрос.

– Вы планируете написать обо мне статью? Скажите, леди Персефона, а вы включите в нее подробности нашего с вами общения? Как вы неосмотрительно пригласили меня к своему столу, умоляли научить вас играть в карты...

– Я не умоляла!

– Расскажите ли вы о том, как ваше тело вспыхивает, начиная с вашей прелестной головки и заканчивая пальцами ног, в моем присутствии и как из-за меня у вас сбивается дыхание...

– Замолчите!

Он наклонился еще ближе.

– Расскажите вы о том благе, которым я вас одарил, или слишком стыдитесь его?

– *Прекратите!*

Она отпрянула, и Аид отпустил ее, но он еще не договорил.

– Вы можете винить меня за то, что выбрали сами, но это ничего не меняет. Вы моя на шесть месяцев, и это значит, что, если вы напишете обо мне, я гарантирую вам последствия.

Она изо всех сил постаралась не задрожать. Он произнес это спокойно, и это ее обескуражило – у нее сложилось впечатление, что внутри он далек от спокойствия.

– То, что говорят о вас, правда. – Ее грудь высоко поднималась и опускалась. – Вы глухи к мольбам. Вам чуждо милосердие.

Выражение лица Аида осталось непроницаемым.

– Никто не молится богу мертвых, миледи, а когда кто-то это все-таки делает, уже слишком поздно.

Аид взмахнул рукой, и Адонис очнулся, сделав резкий вдох. Он тут же сел и огляделся вокруг. Увидев Аида, он вскочил на ноги.

– П-простите, – сказал он. Глаза его были опущены в пол, чтобы не встретиться взглядом с богом.

– Я больше не буду отвечать ни на какие ваши вопросы, – сказал Аид. – Минфа покажет вам, где выход.

Аид отвернулся, и в дверях в ту же секунду возникла Минфа, прожигая взглядом Персефону. У богини проскользнула мысль, что нимфа с Аидом могут составить довольно устрашающую пару, и ей это не понравилось.

– Персефона. – Голос Аида потребовал ее внимания, когда они с Адонисом уже повернулись, чтобы уйти. Она остановилась возле двери и обернулась. – Я добавлю ваше имя в список моих гостей на сегодняшний вечер.

Он все еще ждал, что она придет сегодня вечером? У нее все внутри упало. Какое наказание он добавит к ее заключению за неучтивость? У нее был контракт, и она уже должна была ему услугу.

Она секунду смотрела на него, и вся его тьма слилась воедино, за исключением глаз, что горели, будто костер в ночи.

Она вышла из офиса, не обращая внимания на ошарашенное выражение лица Адониса.

Когда они покинули «Неночь», Адонис пробормотал:

– Что ж, это было интересно.

Персефона едва его слушала. Она была слишком погружена в размышления о том, что выяснилось в офисе Аида, и пребывала в ужасе от того, как он злоупотреблял своей властью, порочно веря, что *помогает*.

– Ты говорила, что лишь однажды встречалась с Аидом? – уточнил парень, когда они сели к нему в машину.

– А?

– Аид, ты с ним встречалась только один раз?

Персефона уставилась на него. Аид сказал, что сотрет Адонису память, но из-за этого вопроса она засомневалась, сработала ли его магия.

– Да, – неохотно признала она. – А что?

Он пожал плечами:

– Просто чувствовалось напряжение, будто... между вами что-то было.

Как так получилось, что всего пара часов общения казалась теперь целой вечностью? Почему она пригласила Аида к столу? Она знала, что будет жалеть об этом решении до конца своей жизни. Эта сделка имела когти, и у нее не было шансов вырваться из них, не заработав шрамы. Слишком много стояло на кону, слишком много того, что запрещено. От этого зависела свобода Персефоны – и опасности окружали ее со всех сторон.

– Персефона? – обратился к ней Адонис.

Она сделала глубокий вдох.

– Нет. Между нами ничего не было.

Глава VI. Стикс

Что ты наденешь для путешествия по подземному миру?

Персефона спрашивала себя об этом с того момента, как вышла из офиса Аида. Ей нужно было задать богу больше вопросов. Предстоит ли им пешая прогулка? Какая там, внизу, погода? Ей показалась соблазнительной идея надеть штаны для йоги, просто чтобы увидеть его реакцию, но потом она вспомнила, что сначала ей нужно войти в «Неночь», а там был дресс-код.

В итоге она выбрала короткое серебристое платье с низким вырезом и сверкающие лодочки. Она вышла из автобуса перед клубом Аида и направилась прямо ко входу, игнорируя завистливые взгляды из невероятно длинной очереди. Вышибалой на входе был не Дункан, но тоже огр. Персефоне стало интересно, как Аид наказал монстра за то, как он с ней обошелся. Надо признать, в тот момент бог мертвых ее удивил. Он вступился за нее не потому, что она была богиней, а потому, что она была женщиной.

И, несмотря на его многочисленные недостатки, этот поступок Аида вызвал у нее уважение.

– Меня зовут... – начала она.

– Вам не нужно представляться, миледи, – перебил ее огр.

Персефона покраснела, надеясь, что никто в ближайшей к ним части очереди его не услышал. Огр протянул руку и открыл дверь, кивнув ей. Откуда это создание ее знало? Неужели дело было во благе Аида? Оно каким-то образом стало видимым?

Она встретилась глазами с огром:

– Как тебя зовут?

Существо ответило ей с удивленным взглядом:

– Меконнен, миледи.

– Меконнен, – она улыбнулась. – Пожалуйста, зови меня Персефой.

У него округлились глаза:

– Миледи... я не могу. Лорд Аид, он...

– Я поговорю с лордом Аидом. – Она положила ладонь на плечо огра. – Зови меня Персефой.

Меконнен ответил ей кривой улыбкой и сделал витиеватый жест, поклонившись.

– Персефона.

Она рассмеялась и покачала головой. Позже она поговорит с ним о поклонах, а пока, если он хотя бы перестанет называть ее «миледи», она уже будет считать это победой.

Персефона вошла в клуб и направилась в главный зал, но стоило ей спуститься по лестнице, как перед ней возник сатир. Он был прекрасен в своей черной рубашке, с взъерошенными темными волосами, козлиной бородкой и темными рогами, изгибавшимися по бокам от его головы.

– Леди Персефона? – уточнил он.

– Просто Персефона, – сказала она. – Пожалуйста.

– Прошу прощения, леди Персефона, я говорю так, как приказал лорд Аид.

Неужели ей придется попросить каждого из них?

– Лорд Аид не может указывать мне, как мне себя называть. – Богиня улыбнулась. – Просто Персефона.

Уголки его губ приподнялись.

– Вы мне уже нравитесь. Я Илиас. Лорд Аид просил за него извиниться. Он пока занят кое-чем другим и хотел, чтобы я проводил вас к нему в офис. Он обещал, что не заставит вас долго ждать.

Ей стало любопытно, что могло его задержать. Возможно, он заключал еще один ужасный контракт со смертным... или был с Минфой.

– Я подожду у бара.

– Боюсь, не получится.

– Еще один приказ? – спросила она.

Илиас ответил извиняющейся улыбкой:

– Боюсь, этому приказу придется подчиниться, Персефона.

Это вызвало в ней раздражение, но Илиас был не виноват. Она улыбнулась сатиру:

– Только ради вас. Ведите меня.

Она последовала за сатиром, пока он прокладывал путь сквозь толпу, а потом по уже знакомой ей дороге к офису Аида. Ее удивило, что он вошел в офис вместе с ней. Сатир подошел к бару, у которого Аид наливал себе напиток днем.

– Налить вам чего-нибудь? Может, вина?

– Да, пожалуйста. Каберне, если есть. – Если ей предстояло провести весь вечер с Аидом, да еще и в подземном царстве, ей нужно было выпить.

– Сейчас вернусь!

Сатир был таким веселым, что Персефоне было сложно поверить, что он работает на Аида. С другой стороны, Антоний почитал своего бога. Ей стало интересно, чувствует ли Илиас то же самое.

Она наблюдала, как он выбирал бутылку с вином и открывал ее. Спустя мгновение она спросила:

– Почему вы служите Аиду?

– Я не служу лорду Аиду. Я на него работаю. Есть разница.

Справедливо.

– Тогда почему вы на него работаете?

– Лорд Аид очень великодушен, – объяснил сатир. – Не верьте всему тому, что о нем слышали. Большинство из этого неправда.

Эти слова вызвали у нее интерес.

– Расскажите мне что-нибудь, что не является правдой.

Сатир усмехнулся, наливая ей вино, и подал ей бокал.

– Спасибо.

– Всегда пожалуйста. – Он слегка кивнул, положив ладонь на грудь. Когда он снова взглянул на нее, ее удивила его серьезность. – Говорят, что Аид защищает свои владения, и хоть это и правда, дело тут не во власти. Он заботится о своих людях, защищает их и сильно переживает, когда кому-то из них причиняют вред. Если вы входите в его окружение, он весь мир разорвет на части, чтобы спасти вас.

Богиня поежилась.

– Но я не из его окружения.

Илиас улыбнулся.

– Нет, из его. Иначе я бы сейчас не наливал вам вино у него в офисе. – Он кивнул. – Если вам что-нибудь понадобится, просто назовите мое имя.

После этого Илиас ушел, и Персефона осталась одна. В офисе Аида было тихо, даже в камине не потрескивало. Она спросила себя, не было ли это одним из видов наказаний в Таргаре. Ее это бы точно свело с ума.

Спустя мгновение она подошла к стене с окнами и посмотрела на главный зал клуба. У нее появилось странное ощущение, что именно так чувствовали себя олимпийцы, когда жили в облаках и смотрели на землю.

Она всмотрелась в толпу смертных внизу. Поначалу она видела только компании друзей и пары, отгоняющие свои тревоги напитками в руках. Для них это была ночь веселья и эйфории

– мало чем отличающаяся от той, когда она оказалась здесь впервые. Но для остальных визит в «Неночь» означал надежду.

Она всматривалась в лица гостей, в одно за другим. Их выдавали алчущие взгляды, обращенные к спиральной лестнице, ведущей на второй этаж, где Аид заключал свои сделки. Она подмечала ссутулившиеся плечи тех, кто был напряжен, поблескивающий пот на лбах тех, кто волновался, застывшие позы тех, кто отчаялся.

От этого зрелища ей стало грустно, но уже очень скоро они будут предупреждены об опасности оказаться жертвой Аида. Она об этом позаботится.

Персефона отвернулась от окна и подошла к столу Аида. Огромный кусок обсидиана выглядел так, словно его высекли из скалы и отполировали. Персефона задалась вопросом, не принесли ли его сюда из самого подземного царства.

Она провела пальцами по гладкой поверхности. В отличие от ее стола, который уже весь был покрыт стикерами и фотографиями, на рабочем месте Аида не было никакого мусора. Она нахмурилась. Ее это расстроило, ведь Персефона надеялась найти здесь что-нибудь, но у стола Аида не было даже ящиков.

Она вздохнула и обернулась, вспомнив, как Минфа появилась в проходе позади стола Аида. Сейчас на стене не было ни единого намека на дверь. Она подошла ближе и наклонилась, чтобы изучить стену. Бесполезно.

Дверь, видимо, отзывалась на магию Аида, а это значило, что она должна отозваться и на ее благо. Она провела рукой по гладкой поверхности – и ее рука вдруг погрузилась в стену. Персефона охнула и отшатнулась, сердце бешено забилося у нее в груди. Она осмотрела свою ладонь со всех сторон, но не обнаружила ран.

Любопытство взяло верх, и девушка оглянулась через плечо, прежде чем попробовала снова войти в стену. Та расступилась перед ней, словно жидкость, и Персефона оказалась по другую сторону – в коридоре с хрустальными люстрами. Несмотря на исходящий от них свет, ее ноги остались в тени, и, сделав шаг вперед, она упала, приземлившись на что-то острое.

От удара у нее сбилось дыхание. Запаниковав, она продолжала делать резкие вдохи, пока дыхание не восстановилось. И только после этого она поняла, что упала на ступеньку. Свет наверху едва очерчивал края лестницы.

Персефона поднялась на ноги, несмотря на острую боль в боку. Она сняла туфли и оставила их на ступеньке, а потом осторожно пошла вниз по крутой лестнице. Прижав одну руку к боку, другой она держалась за стену, опасаясь, что если снова упадет, то переломает себе ребра.

К тому времени, как Персефона добралась до земли, ее ноги и бок сильно болели. Впереди сквозь расщелину проникал ослепляющий, но мутный свет. Она направилась к нему и вышла прямо в поле высокой зеленой травы, усеянной белыми цветами. Вдалеке устремлялся в небо дворец из обсидиана, великолепный, но зловещий, словно тучи с молниями и громом. Оглянувшись, она обнаружила, что вышла из огромной черной горы.

«Так это и есть подземное царство», – догадалась она. Оно казалось таким привычным, таким прекрасным. Совершенно иной мир под их миром. Над головой простиралось светлое небо, но она не видела солнца, воздух был не теплым и не холодным, хотя легкий бриз, шевеливший траву и ее волосы, заставил Персефону поежиться. Он приносил с собой и смесь ароматов – сладких цветов, пряностей и пепла. Так пахло и от Аида. Ей хотелось надышаться этими запахами, но даже от легких вдохов после падения ее тело пронзала боль.

Персефона пошла вперед, скрестив руки на груди, потому что боялась дотронуться до нежных белых цветов – ведь они могли тут же завянуть. Чем дальше она шла, тем больше в ней рос гнев на Аида.

Ее окружала пышная растительность. Где-то глубоко внутри ей хотелось, чтобы в подземном царстве были только пепел, дым и огонь, но она обнаружила... *жизнь*.

Почему Аид выбрал для нее такое задание, хотя и сам уже в этом преуспел?

Персефона продолжала идти в направлении дворца. Он был единственным, что она видела в огромном поле. Ее удивляло, что за ней до сих пор никто так и не вышел. Она слышала, что у Аида была трехголовая собака, охраняющая вход в подземное царство. Ей стало интересно, что помогло ей выйти незамеченной – было ли это ее благо?

Вот только она уже почти мечтала, чтобы кто-то оказался рядом, потому что чем дальше она шла, тем тяжелее дышала и тем сильнее болел бок.

Вскоре дорогу ей преградила река. Вода в ней была беспокойной, темной и бурлящей, и река эта была так широка, что по другую сторону виднелась лишь размытая зелень.

«А это, должно быть, Стикс», – решила она. Он отмечал границы подземного мира и был известен Хароном, демоном, которого также называли проводником душ. Он перевозил души на своем пароме в подземное царство, но Персефона нигде не видела ни демона, ни его парома. Повсюду были лишь цветы – берег реки заполонили бесчисленные нарциссы.

Как ей пересечь реку? Девушка оглянулась на гору – она уже зашла слишком далеко, чтобы поворачивать назад. Персефона отлично плавала, вот только боль в боку могла сильно ее замедлить. Если не считать ширины, река выглядела довольно непримечательно – просто темная вода в глубоком русле.

Персефона шагнула к краю берега. Это был сырой, скользкий обрыв. Цветы, растущие на склоне, образовывали белое море – странный контраст с водой, похожей на нефть. Она осторожно макнула ногу в воду, прежде чем погрузиться полностью. Вода была холодной, дышать стало тяжелее, из-за чего боль в боку усилилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.